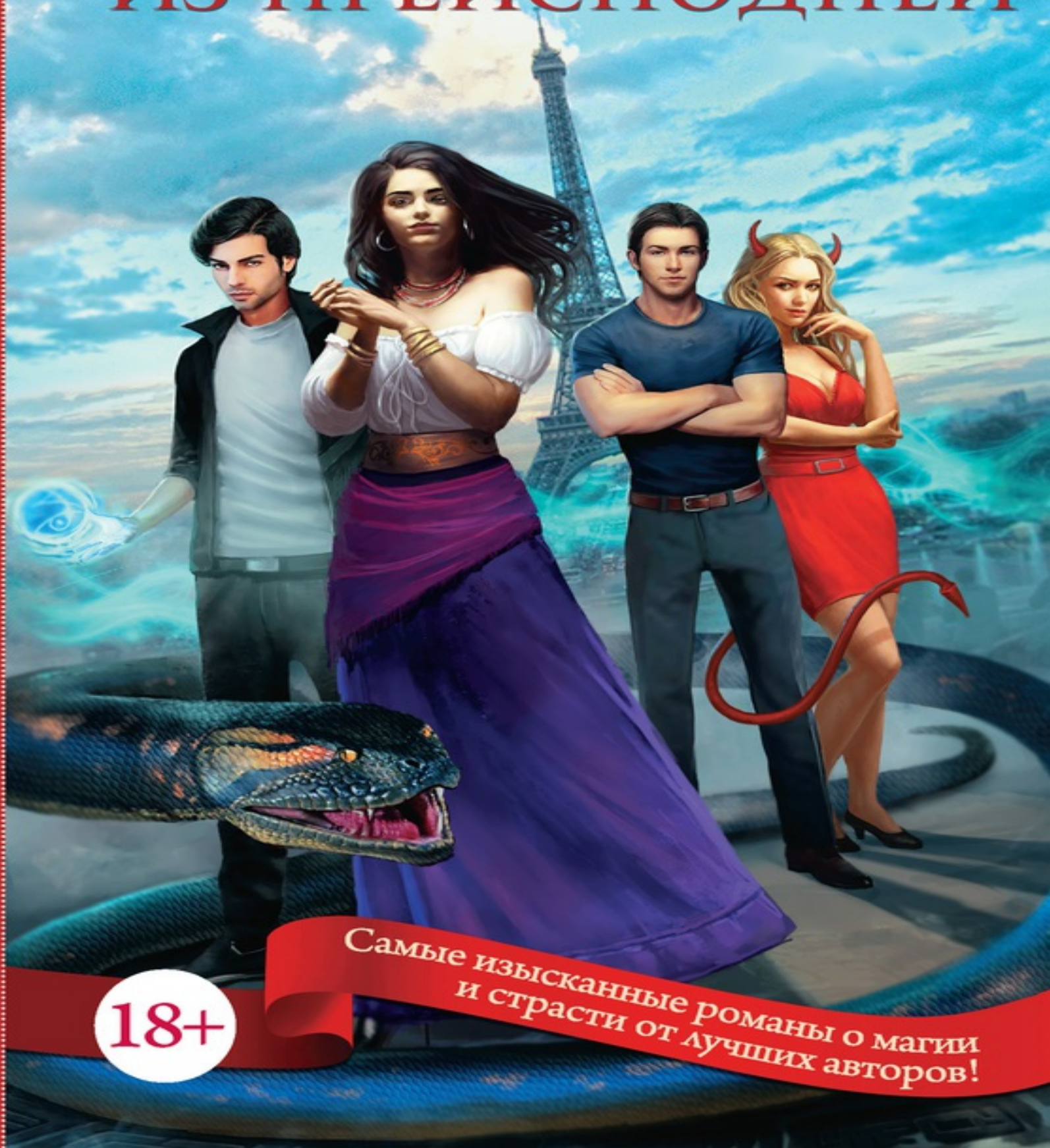

ИРИНА ЛАКИНА
ТВОЯ НЕВЕСТА
ИЗ ПРЕИСПОДНЕЙ

18+

Самые изысканные романы о магии
и страсти от лучших авторов!

Annotation

Что делать молодой девушке, потомственному медиуму, которая вдруг захотела обычной жизни? Избавиться от дара общения с потусторонними силами, встретить любовь и завести семью. Именно такой план был и у Аурелии. Решив последовать совету бабушки и помочь молодому мужчине, которого терзает призрак проклятой покойной невесты, Аурелия оказалась впутанной в игры князей тьмы. Да еще и влюбилась. Вот только непонятно в кого — то ли в несостоявшегося самоубийцу, обычного русского парня, то ли в раскаявшегося нифилима — сына властителя преисподней и земной женщины, который не только дьявольски красив и сексуален, но еще и утверждает, что она его судьба. Осталось дело за малым — уничтожить высшего демона и разобраться в своих чувствах.

Ирина Лакина

Твоя невеста из преисподней

© И. Лакина, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Июль 2012 года. Ярославль

Пронзительные сигналы застрявших в удушливой пробке автомобилей действовали Марине на нервы. Она со злостью ударила по рулю руками и нажала на клаксон, добавляя в эту какофонию свои пронзительно-истеричные ноты.

— Мне кажется, это плохая идея... — Егор провел рукой по пышной шапке русских волос и отвернулся к окну.

Прохладный воздух из решетки дефлектора приятно щекотал его загорелую кожу. Он прикрыл глаза и постарался расслабиться. Задумка Марины ему совершенно не нравилась. Отчасти и потому, что причина ее ссоры с сестрой была ему прекрасно известна. Более того — он сам являлся той самой причиной, по которой две девушки не разговаривали друг с другом вот уже три месяца.

— Пора закопать топор войны. Что было — не вернешь, — Марина повела плечами, не поворачивая головы. — Катя должна понять. Должна!

Ее изящная ладонь с короткими ноготками, покрытыми ярко-красным лаком, легла на его колено. Егор вздрогнул и посмотрел в прозрачные голубые глаза невесты.

«Где была моя голова?» — подумал он, рассматривая будущую жену. Ее уложенные, но сухие, словно мочалка, безжизненные светлые локоны, крылья искусственных ресниц, алый цвет губ, переживших не одну инъекцию в салоне косметолога, — все это вызывало отвращение.

— Да, — Егор вздохнул, — теперь действительно ничего не вернешь...

— Все будет хорошо, — Марина расплылась в белоснежной улыбке, за которую пару дней назад он отвалил дантисту приличную сумму, — мы поженимся, у нас вскоре родится малыш, Катя не сможет долго злиться на тебя, — девушка задумалась, — и на меня. И уж тем более она не сможет злиться на своего племянника.

— Приглашать ее на нашу свадьбу — плохая идея. Я повторяю тебе это вновь и вновь, но ты меня не слышишь. Даже твои родители наотрез отказались присутствовать, как ты не поймешь — они все отказались от тебя!

Все внутри него негодовало. Он сжал кулаки и сощурил голубые глаза, опасаясь, как бы их гневный блеск не выдал его внутренних тревог и мыслей.

— Катя — моя родная сестра!

— У которой ты увела парня!

В воздухе повисла тяжелая пауза.

— Что значит, увела? — Острый подбородок Марины задрожал, предвещая поток слез. — То есть ты ничего не хотел? Ты весь такой сырый и обездоленный, несчастный обманутый жених, которого хитростью затащили в постель?

— Ты прекрасно знаешь, что та ночь — ошибка. И если бы не твоя беременность — никакой свадьбы не было бы.

— Понятно, ты меня не любишь... — девушка повернула к нему влажные глаза и испуганно заморгала ресницами.

«О, Боже! Только не истерика, — подумал про себя мужчина, нахмутив лоб, — врач сказал — ей нельзя волноваться».

Он смягчил выражение лица и взял в свою руку ее горячую ладонь.

— Тебе нельзя нервничать, подумай о ребенке.

— Слава богу, — Марина резко выдернула свою ладонь из его руки, — нужный въезд во двор.

Она сглотнула соленый комок слез и резко выкрутила руль, поворачивая в знакомую домовую арку, вырвавшись, наконец, из плена застрявших в июльском пекле машин.

— Подожди меня в машине. Не думаю, что она сильно обрадуется мне. Но вдвоем туда уж точно не следует ходить, — бросила девушка сквозь зубы и громко хлопнула дверью.

«Обиделась», — подумал Егор, а затем расслабленно выдохнул и откинулся на спинку сиденья. Полчаса тишины были ему обеспечены. Полчаса в одиночестве — без ее требовательного голоса, без пошлых надутых губок, без тошнотворного запаха духов.

Как только его угораздило в ту ночь скатиться в эту яму? Один из самых завидных холостяков города, сердцеед, хронический бабник, владелец собственной сети кофеен, высокий и широкоплечий блондин с притягательным лицом и пронзительными голубыми глазами, он всегда был окружен восхищенными претендентками на руку и сердце, которые проходили строгий кастинг — рост, вес, состояние волос и ногтей, длина ног, семья, образование, чувство юмора. Об список его критериев споткнулась не одна мисс Ярославль. Да что там мисс Ярославль?! Модели, начинающие и известные актрисы, дочери самых богатых семей города — все готовы были преподнести ему себя на блюде с голубой каемочкой.

Как вдруг опытный, осторожный в выборе мужчина умудрился оказаться в постели у родной сестры своей новой пассии? Помутнение рассудка, иначе не назовешь. И надо же было этой кукле залететь!

Все вышло очень некрасиво и нехорошо. Несмотря на то что с Катей он встречался всего пару-тройку месяцев, его поступок никак нельзя назвать мужским.

Катя соответствовала всем его требованиям. Или почти всем. Высокая, стройная шатенка из семьи врачей, последний курс юрфака. Все при ней — и внешность, и мозги. Чего нельзя сказать про ее взбалмошную сестру, которая, забросив учебу на фармацевта, все свободное время проводила в салонах красоты и ночных клубах — головная боль семьи Купаевых.

Теперь эта мигрень переключалась в его голову. Все жизненные планы пошли прахом. Что его ждет? Нелюбимая жена, крикливый младенец, Марина в засаленном халате и бигудях, ссоры, измены, бутылка...

От этой стройной цепочки мыслей его затошнило.

Внезапно его внимание привлекли крики возле знакомого подъезда — выскочившие на улицу, одна за другой, девушки верещали, точно полицейские сирены, и размахивали руками, как две базарные бабы.

Егор нажал на кнопку стеклоподъемника и открыл окно с водительской стороны, чтобы лучше слышать, что происходит снаружи.

— Ты еще смеешь являться ко мне домой и приглашать на свою свадьбу? — Катя поставила руки в боки и угрожающе наклонилась в сторону сестры: — Бесстыжая! Пошла вон, угонщица! Подстилка!

Егор поморщился. Катерина, как оказалось, в моменты ярости напрочь забывала о культуре речи и элементарных приличиях. Боевая курица — ни дать ни взять. Идеальный образ бывшей девушки растворился в женской склоке, как туман на рассвете.

— Я думала, ты умнее, — с ехидной улыбкой ответила ей Марина, — чего двум родным сестрам из-за мужика ссориться? Мужики приходят и уходят, а родная кровь — она и есть родная кровь. Но ты, видимо, совсем ополоумела из-за ревности и обиды. Неудачница! На что ты надеялась? Посмотри на себя, и на меня — небо и земля!

— Ага, — Катерина усмехнулась, — небо и помойка! Точнее, проходная — кто только через тебя не прошел в этом городе!

Егор нахмурился и, поразмыслив пару секунд, вышел из машины. Не дай бог, подерутся еще. Нужно вмешаться и остановить этот бесплатный драматический спектакль для соседей, которые свесились с балконов, как гроздь винограда, и наблюдали за этой колоритной сценой, напоминающей очередную серию бразильской мыльной оперы.

— Катя, — его голос дрогнул, — ты прости меня, я не хотел! Но так уж вышло...

— Не хотел? — взвизгнула девушка, — зато хотелка твоя хотела! Заделали спиногрыза — так вам и надо! Расхлебывайте теперь! Семейка... — Девушка презрительно сжала губы и бросила на него полный отвращения и гнева взгляд.

— Да пошла ты, мегера бешеная! — закричала на нее Марина. — Запомни — отныне нет у тебя сестры! Поняла? Адьес! И племянника не увидишь! Ни-ко-гда!

Она горделиво задрала подбородок и уверенной походкой, играя ключами от новенького автомобиля, подаренного Егором, направилась в сторону своего «Ауди А6» — такого же ярко-красного, как цвет ее помады и лака для ногтей. Егор бросил виноватый взгляд на взбешенную Катерину и догнал невесту.

— Да чтоб ты никогда покоя не знала! Чтобы спать не могла спокойно! Гори в аду! Пусть вечно грызут тебя сомнения в его верности! Мне изменил — и тебе изменит, можешь не сомневаться! — В спину Марине летели проклятья, но ни один мускул на ее лице не дрогнул. Лишь из покрасневших глаз скатились несколько слезинок.

Она села за руль и завела мотор. Егор опустил лицо к открытому окну.

— Я тебе говорил...

— Не надо! — перебила его невеста.

Марина нервно постукивала пальцами по обтянутой кожей поверхности руля, бросая быстрые взгляды в зеркало заднего вида, в котором отражалась ее взбешенная сестра, показывающая неоднозначные жесты.

— Открой дверь, я сяду, — попросил Егор и начал обходить машину.

Дернув ручку двери с пассажирской стороны, он удивленно вскинул брови.

— Марина, открой!

— Да пошел ты! — прошипела девушка и резко дала по газам.

Мужчина бросился вдогонку, наблюдая страшную картину — автомобиль Марины резко вырулил на встречную полосу и неся навстречу огромному МАЗу, груженному деревянными брусьями.

Егор замер, обхватив голову руками. По вискам катился нервный пот. Визг тормозов и запах горелых покрышек заставил его сердце провалиться в желудок от ужаса. Все, что осталось от его беременной невесты, — грудa покореженного металла красного цвета. Ее любимого — цвета страсти, пламени и крови.

Глава 1

Июль 2013 года. Воронеж

Я поежилась и натянула легкое пуховое одеяло до самого подбородка, сквозь сладкую дремоту ощущая уколы ледящего холода. Еще пару минут назад я задыхалась от удушливой июльской жары, распластавшись на белых простынях в костюме Евы, а теперь стучу зубами, как полярник в Арктике.

Я нехотя открыла глаза, прекрасно понимая, откуда растут ноги у этого резкого похолодания, и недовольно сморщила лоб.

Тонкая белоснежная тюль трепетала и колыхалась, хотя на улице была звездная безветренная ночь, и в открытое окно залетали разве что комары да мошки. И ни единого дуновения ветра.

Спящий в углу кровати черный кот по кличке Барон резко вскочил, выгнув спину и зашипел. Его гладкая блестящая шерстка встала дыбом, а из маленького кошачьего рта доносились жуткие утробные звуки.

Напротив кровати, рядом со стареньким платяным шкафом, дрожала дымка фантома. Расплывчатые линии вибрировали в воздухе. Судя по очертаниям, передо мной была женщина, которая в земной жизни очень любила покушать. Внезапно призрак поднял руку, и меня обдало пронизывающим ветром.

Черт бы побрал этих несчастных! Нет мне покоя! Я выругалась про себя, еще сильнее укутавшись в одеяло.

— Ну что? — недовольно пробурчала я, продирая заспанные глаза, — что тебе нужно?

Дымка поплыла в воздухе, приблизилась к кровати и опустилась рядом со мной. Кот громко мяукнул и с шипением забрался под кровать. У меня же ресницы покрылись инеем от такого соседства.

— Помоги мне, — низким голосом протянуло приведение.

— Да ясное дело, ты сюда не поболтать явилась.

— Грубиянка, — обиделась прозрачная дамочка.

— Задание расскажешь или будем колкостями обмениваться? — Я потерла ладонью окоченевший от холода кончик носа и всхлипнула, чувствуя подступающий насморк.

— Важное дело удерживает меня на земле. Вот, — женщина разжала молочного цвета кулак, и мне на простыню упал скрученный в трубочку лист бумаги.

— Что это? — Я высунула из-под одеяла руку и взяла листок.

На бумаге корявым почерком, точно писал первоклашка, был начертан обычный городской адрес, а также детально описывалось какое-то потаенное место в указанной квартире — правый угол крайнего левого ящика на антресолях.

— Шкатулка у меня осталась, с настоящими янтарными серьгами и золотым колье. Все девушки в нашем роду надевают это колье в день свадьбы. Оно приносит здоровье и плодovitость.

— Передать забыла, кулема? — снисходительно спросила я.

— Почему сразу кулема? — обиделась пышная дамочка. — От мужа-пропойцы прятала, — приведение горестно вздохнуло и смахнуло с лица дымчатую слезинку, — дочка у меня замуж на следующей неделе выходит. Нужно, чтобы нашла. Я у кумы это все спрятала.

— Завтра же все узнает, — закивала я.

— Не обманешь? — недоверчиво спросила леденящая душу женщина.

— Если думаешь, что обману, — зачем ко мне пришла? Или в городе других медиумов не осталось?

— Остались, почему же... Только слава о них недобрая. Рыжая Ольга, которая говорит, что она дочь потомка норвежского конунга, с нечистью связалась. Душу продала в обмен на молодость и красоту. А Аркашка-цыган обычным воришкой оказался. Тайники, доверенные ему странниками, вскрывал, а добро себе присваивал.

За Аркашей я и сама уже давно наблюдала. То часы у него швейцарские появятся, то машина новая, то в Монако на ночь слетает, чтобы в казино проигратся, а странников да духов меньше не становится. Причем всем в городе известно, что папенька его не сильно жалует и денег совсем не дает, хотя семейка не из бедных. Тем неприятнее, что еще один представитель моего древнего народа подался в шарлатаны. Обидно. Вот так один какой-нибудь нечистоплотный на руку попадется, а слава всем достается. И среди цыган есть порядочные люди. Я, например.

— Откуда сведения? — спросила я.

— Встретила на кладбище свою соседку, которая год назад умерла. Так она, бедняга, теперь тут навечно застряла. Дело не закончено, а закончить невозможно, ибо Аркаша этот умыкнул мешочек с рубинами, которые она сыну завещала, да промотал полученное состояние.

— Ну, — усомнилась я, — про веки вечные ты загнула. Можно попытаться найти покупателя, выкупить или, если выкаблучиваться будет, выкрасть рубины, да закончить дельце. Но это может затянуться надолго. Да, и где деньги на выкуп взять? Кто ж за такое возьмется?

— А ты дело говоришь, — радостно заявила дамочка, дыхнув на меня скандинавским холодом, — я Зойке твои слова передам, пусть она к тебе обратится!

— Э-э-э, не-не-не, — запротестовала я, — попробуй только дать наводку — устрою тебе вечное чистилище! Делать мне больше нечего, как за чужими рубинами бесплатно охотиться да жизнью рисковать.

— Спать-то спокойно сможешь, зная, что человеку хорошему не помогла? — попыталась надавить на жалость моя незваная гостья, но меня такими выпадами не прошибешь.

— Ты за меня не переживай, лучше о своем вечном сне подумай — выдашь меня, и станешь с Зойкой на пару скитаться по кладбищам да погостам.

— Да поняла уже...

— Вот и ладненько. А теперь давай, аффидерзейн, гуд бай, чао... Ночь на дворе. Спать охота.

Мне не терпелось поскорее помахать фантому ручкой да вернуться в царство Морфея. Только там, в своих сновидениях, я могла быть той, кем хотела, — молодой девушкой, мечтающей о простых, но таких далеких для меня вещах — встретить свою любовь, выйти замуж и нарожать детей.

Обычная человеческая жизнь мне только снилась. Разве можно построить отношения с мужчиной, когда ты постоянно выполняешь поручения скитающихся между адом и раем? Как объяснить любимому, зачем тебя вдруг среди ночи несет в другой город или почему тебе неожиданно вздумалось посетить городскую мусорку? Да мало ли что со мной завтра может случиться? Снять родовое проклятье? Провести ритуал изгнания полтергейста? Выполнить

последнее желание неприкаянной души? Всегда пожалуйста — мистическое агентство Аурелии Констанеску к вашим услугам. С моей работенкой о личной жизни только и остается, что мечтать.

— Спасибо, — добродушно пропело приведение и растворилось в воздухе.

В ту же секунду испарился пронизывающий до костей холод, и Барон с мурчанием выполз из-под кровати.

Пушистый теплый комочек свернулся у моих ног и заснул, как ни в чем не бывало. Я провела рукой по его гладкой шерстке, чмокнула в мягкую макушку между ушей, и поудобнее устроилась на остывших простынях.

Такого пронзительного дверного звонка я не слышала уже давно. От его визга стало неприятно не только моим ушам, но и всему телу, словно меня одновременно укололи десятком иголок, а самой длинной из них проткнули барабанные перепонки.

За дверью послышались легкие шаркающие шаги. Затем раздался щелчок замка.

— Вы к кому? — В приоткрывшуюся щель просунулся аккуратный курносый носик, усыпанный веснушками.

— К Лидии Матвеевой.

— Это я, — удивленно ответила девушка и шире открыла дверь, — а вы, собственно, кто?

— Позвольте представиться — Аурелия Констанеску. Доверенное лицо вашей покойной матушки — Галины Семеновны.

Девушка удивленно наморщила лоб и округлила глаза.

— Но мама умерла, уже полгода как...

— Я знаю. Я здесь по ее поручению. Пришло время передать вам кое-что.

— Проходите, — она распахнула дверь и отошла в сторонку, пропуская меня внутрь светлого коридора с гирляндой миниатюрных лампочек под модным натяжным потолком. Я невольно залюбовалась.

— У вас светло.

— Да, небольшой ремонт к свадьбе. Торжество в эту субботу. Жаль, мама не увидит.

— Увидит, — ответила я и ободряюще улыбнулась.

— Ну, да... Ну, да... Как говорится, им сверху виднее.

Мы свернули налево и попали в вытянутую в длину гостиную. Комната практически ничем не отличалась от сотни других таких же комнат в похожих квартирах — серебристо-зеленые полосатые обои, массивный мягкий уголок с продавленными сиденьями, мебельный гарнитур с выставленными на полках фотографиями, фарфоровыми статуэтками и посудой за стеклянными дверцами шкафов. В углу на высокой тумбе стоял небольшой телевизор с плоским экраном. Напротив него почти до самого потолка выросла раскидистая пальма, у которой зеленые ветки перемежались с пожелтевшими. Очевидно, за растением ухаживали спустя рукава.

На центральной полке комода в простой деревянной раме стояла большая фотография моей ночной гостьи — широкое улыбчивое лицо, доброе и бесхитростное, уставшие глаза, сеть мелких морщинок, янтарные серьги (наверное, те самые) в ушах и крестик на груди — обычный черно-белый портрет из серии «фото на паспорт».

— Хороший портрет, — я села на край дивана, опасаясь провалиться в старый поролон или нащупать пятой точкой пружину.

— Маме здесь сорок пять. Для замены паспорта фотографировалась.

— Я так и подумала.

— А откуда вы ее знаете? Я ничего о вас раньше не слышала. Да и денег у мамы на адвоката никогда не было...

— Это старая история, — я отвела взгляд. Не люблю врать. — Дело в том, что у Галины Семеновны осталось для вас небольшое наследство. И все это время оно было надежно спрятано. По завещанию вашей матери — вплоть до дня вашей свадьбы. И раз уж этот день

буквально у нас на носу — я передам вам информацию о его месте нахождения.

— Как странно... — девушка нервничала и теребила пальцы рук.

— Вот, — я протянула ей лист бумаги с адресом, который я предусмотрительно переписала собственной рукой. Каракули фантома было трудно разобрать даже мне.

— Но, — лицо девушки переменилось, — это же адрес моей крестной!

— Все верно.

— Шарлатанка! — закричала дочь покойницы и вскочила с дивана как ужаленная. — Я сразу заподозрила неладное — цыганка и в поверенных у мамы! Вот же небылицу сочинили!

Старая песня — все шло как по маслу, и вот те, «здрасьте». Опять нужно доказывать, что я не верблюд.

— Аккуратнее с выражениями, мисс. Я к вашим семейным драмам не имею никакого отношения. В чем, собственно, дело? — потребовала я объяснений.

— Она вас подкупила, да? Сказку о наследстве сочинила, чтобы заманить меня туда и вытянуть деньги на водку папаше? Знает, что свадьба и что у меня есть. Вертихвостка!

— Да кто она?

— Не придуривайтесь!

Я встала с дивана и бросила на нее недоуменный взгляд. Во что меня втянула эта неприкаянная душа, улыбающаяся мне с портрета? Семейных разборок мне тут не хватало. Боже! Как же меня достали эти поручения! Как же я хочу навсегда избавиться от этой почетной должности!

— Я, пожалуй, пойду.

— Да-да. Идите. И больше не стоит сюда приходить. А крестной передайте, что отец для меня умер. Пусть зря не старается меня разжалобить.

— Правый верхний угол на антресолях. Шкатулка с янтарными серьгами и золотым колье. Наденьте его на свадьбу. Ваша мать так хотела.

Девушка открыла от удивления рот. Я же резко отвернулась и направилась к выходу.

— Не провожайте, — бросила я ей, не оборачиваясь.

Быстро расправившись с бесхитростным замком, я захлопнула дверь и вышла в подъезд.

— Достали, психи! — из моего рта вырвалось подобие змеиного шипения.

Придешь (а точнее — приедешь, за собственный счет), привезешь наследство на блюдечке с золотой каемочкой, а тебя то в шарлатаны записывают, то тапками гонят, то полицию вызывают. И никто слова благодарности не сказал. И все из-за яркой внешности, которая очень тонко намекает на мое происхождение. Что за жизнь такая?

Слетев по ступенькам, я выскочила из подъезда и только на улице смогла успокоиться. Несмотря на полуденный зной, здесь, почему-то, дышалось легче.

В жилищах неприкаянных душ всегда дышится тяжело. Будь то квартира, комната в коммуналке или дорогой особняк. Воздух там как будто дрожит из-за их незримого присутствия, и его трудно вдыхать.

Через дорогу от дома я увидела стоянку такси и сразу же направилась туда. Нужно навестить бабушку. Она подскажет, как избавиться от дара. Моему терпению пришел конец.

— Свободны? — Я заглянула в открытое водительское окно белого «Форда» с шашечками.

— Куда вам? — мне в лицо дохнуло крепким табаком. Я поморщилась.

— В Боровое. Я покажу дорогу.

— Садитесь.

Я прыгнула на заднее сиденье и улыбнулась. Встреча с бабушкой всегда праздник. Тем более сегодня, когда я полна решимости избавиться от своего ненавистного дара. Черт бы побрал эти родовые способности.

Машина летела по улицам и проспектам быстро и плавно, словно лодка на воздушной подушке. Мы пересекли набережную с церковью петровских времен и поднялись на Чернавский мост. Я залюбовалась «воронежским морем», как здесь называют местное водохранилище, на поверхности которого плясали солнечные зайчики. Мелкая рябь его вод завораживала. Хотелось остановить машину и прямо с этого моста прыгнуть в его прохладный омут.

Чудом проскочив вечно загруженный трафиком Ленинский проспект и пропетляв по извилистым улочкам частного сектора, мы, наконец, выехали на окруженную высокими соснами дорогу городской окраины.

— В следующий поворот, третий дом слева, — пропела я.

— Здесь? — Мы остановились чуть дальше бабушкиного дома.

— Да.

Я протянула водителю деньги и вышла из машины. В этом месте даже жара воспринималась по-другому. Дышалось легко, в воздухе ощущался запах хвои, под ногами хрустел песок. А может быть, все дело в том, что здесь прошло мое детство? Я открыла старенькую калитку, которая протяжно скрипнула, и по узкой, поросшей низкой травой дорожке, прошла к крыльцу. Не успела я перешагнуть последнюю ступеньку, как дверь открылась.

— Ты опять у окошка прохожих караулишь? — пошутила я, обнимая бабушку.

— Знаешь же, что сердце тебя чувствует, — ответила она, добродушно улыбнувшись и сверкнув ровным рядом золотых зубов, — проходи. Я еще с полчаса назад услышала, что ты идешь. Вот и самовар уже нагрелся.

Я прошла в маленькую побеленную кухню с русской печкой и уселась на деревянную лавку, вытянув ноги.

— В такую жару ты предлагаешь пить горячий чай? Ба, ты как всегда — в своем репертуаре.

— Чай лучше всего утоляет жажду. Ты лучше расскажи, как живешь? — На столе рядом со мной возникла чашка с ароматным чаем и тарелка с пирожками.

Мой нос уловил запах чабреца и мяты, а также жареного теста. Не в силах удержаться, я взяла один пирожок и впилась в него зубами. Бабушкины пирожки не сравнить ни с чем. Помимо муки, яиц и соли, она всегда добавляет в них щепотку своей любви и заботы.

— Я устала, — решила я сразу перейти к делу, — сил моих больше нет. Помоги!

— Уверена? — Бабушка вскинула черную бровь и блеснула своими пугающими, почти черными глазами.

— Уверена. Хочу жить обычной жизнью. Что мне сделать?

— Я тебя спрашивала, когда дар передавала — согласна или нет. Ты до потолка прыгала, просила. А теперь на попятную... — бабушка отвернулась.

— Я знаю. Прости. Молодая совсем была. Да что молодая — ребенок еще, семнадцать лет.

— Я в семнадцать лет уже твоего дядьку родила. Эх, молодежь...

— Ба, давай не будем опять вспоминать, как хорошо было жить в таборе и какие там были порядки. Мы в двадцать первом веке живем.

— Значит, решила?

— Решила. Мне двадцать семь. Хочу замуж, семью, ребенка, а лучше двух или трех. Обычной жизни хочу.

— Ну что же, — бабушка придвинула к столу деревянную табуретку и уселась рядом. Затем поднесла ко рту чашку с чаем и громко отхлебнула, — чтобы избавиться от просьб мертвых, тебе нужно помочь живому. Но так, чтобы он сам тебя нашел. Вас должно свести проведение.

— То есть, если я решу перевести бабушку через дорогу, это не считается?

— Именно.

— Так можно прождать и год, и два, — у меня сразу как-то испортилось настроение.

— Не переживай. Твое желание уже услышано высшими силами. Случай не заставит себя ждать. Ты, главное, его не проморгай.

— А как я пойму, что это тот самый живой, которому я должна помочь?

— Он будет связан с мертвыми.

— Опять твои загадки, — буркнула я и отпила из своей чашки.

Горячий напиток обжег горло, но мгновенно утолил жажду. Я мысленно прокрутила в голове бабушкины слова — помочь живому, который связан с мертвыми, да притом еще и специально такого не выискивать, а ждать знака судьбы. Уж больно все это похоже на красивую сказку, цель которой запудрить мне мозги. Да такой случай, возможно, один на миллион! Не видать, похоже, мне свободы от духов и странников, как своих ушей.

Обратная дорога казалась бесконечной. Настроение было вконец испорчено, и даже подаренная бабушкой новая цветастая юбка не радовала.

Я расправила ладонями складки на платье и посмотрела в тонированное окно такси — вечерело, небо окрасилось в багряно-розовые цвета заката. На улицы выплеснулось целое море праздно шатающихся под сенью каштанов и тополей людей.

Полуденная жара спадала, дышать стало легче, и я попросила водителя отключить кондиционер. Приоткрыв окно, я выставила наружу ладонь и стала ловить встречный поток воздуха, который приятно щекотал и вызывал мурашки по всему телу.

Каждый вечер превращался для меня в пытку неизвестным — опустится ли на меня ночью холодное дыхание очередного странника? Или обдаст жаром пылающая кожа неприкаянного духа, изгнанного из преисподней, чтобы тот смог творить дрянные делишки на земле? Или мой слух уловит шалости злобного полтергейста на другом конце города? А может быть, это будет одна из тех редких ночей, когда мне удастся просто уснуть и проснуться с первыми солнечными лучами? Боже! Где же ты, несчастный живой, связанный с мертвыми, которому нужна моя помощь?

Из тягостных размышлений меня вывел протяжный свист тормозов и пронзительный визг клаксонов.

Я напрягла зрение и посмотрела вперед — сквозь поток идущих впереди машин.

По центру проезжей части моста испуганно метался из стороны в сторону котенок — щуплый, с острыми высокими ушами и свалявшейся в клочья шерстью, черный как смоль. Его испуганное громкое мяуканье пробивалось сквозь звуки автомобильных сигналов, как сигнал SOS.

— Остановите! — закричала я.

— Что? — водитель повернул голову и недоуменно уставился на меня, — остановка на мосту запрещена!

— Вам — разрешена. — Я посмотрела ему в глаза, положила ладонь на его руку, сжимающую рычаг коробки передач, и мужчина изменился в лице.

Его зрачки расширились, и я увидела в них свое отражение, лоб разгладился, во взгляде промелькнули потерянность и покорность. Так-то лучше. Не люблю использовать свою силу в корыстных целях, но иногда приходится. Цыганка никогда не бросит в беде черного кота.

— Хорошо, — промямлил таксист и резко ударил по тормозам.

Машина застыла прямо посреди дорожного потока. Теперь у автолюбителей появился еще один повод нажать на сигнал, и они не преминули им воспользоваться. Клаксонная какофония заполнила все пространство.

— Спасибо, — я мило улыбнулась таксисту — пожилому мужчине с седыми висками и пивным пузиком, а затем вышла из машины.

Лавируя между движущимися автомобилями, я добралась до котенка. Он дрожал, как осиновый лист на ветру. Пригнувшись к земле и опустив уши, он жалобно мяукал, изредка мотая головой.

Я протянула к нему ладони, и он сразу же запрыгнул на них. Его маленькое сердечко колотилось, как у кролика, — быстро-быстро, а длинные усы подрагивали.

— Ну и как ты сюда попал, бедолага? — Я провела рукой по его колючей вздыбленной

шерстке и вместо ответа получила благодарное мурчание, — идем со мной. Хотя ты и не тот живой, который мне нужен, все же познакомлю тебя с Бароном — вы подружитесь.

Котенок радостно мяукнул и свернулся калачиком. Я сделала несколько шагов обратно к своему такси, и вдруг услышала бессвязное бормотание. Чей-то мужской полусшепот пробивался сквозь шелест автомобильных шин, ровное урчание моторов и звуки сигналов. Я повертела головой, пытаюсь уловить направление, откуда доносится голос, и увидела его.

Высокий, широкоплечий, спортивный, с пышной шапкой русых волос, он стоял на небольшой полоске бетона сразу за мостовым ограждением, и держался за ограду обеими руками. Казалось, он вот-вот разожмет пальцы и полетит вниз — в мутные глубокие воды водохранилища.

Я прижала котенка к груди и начала пробираться к нему. Из открытых автомобильных окон в мой адрес летели проклятия и нецензурная брань, но я слышала только его шепот.

«Теперь ты довольна? Там ты не сможешь меня достать, гадина пергидрольная», — бормотал мужчина. Я не видела его лица, но почему-то была уверена, что он не сошел с ума и у него есть весьма веская причина стоять вот так за парапетом.

Оказавшись у него за спиной, я протянула к нему руку и тут же одернула. Мое прикосновение может спровоцировать его на прыжок. Что же делать? Как не спугнуть его? Разговоры вряд ли помогут. И тогда мой новый черный друг подал голос. «Мяу» сказала животное у меня на руках, и меня осенило. Я спустила котенка на землю, погладила и легонько подтолкнула вперед.

— Не бойся, малыш! — прошептала я ему, — просто пролезь в щелочку и посиди спокойно с той стороны, хорошо?

Котенок фыркнул, затем проскользнул между парапетом и мостовой на ту сторону и начал жалобно мяукать.

— Что такое? — Мужчина резко повернул голову на моего нового питомца: — Ты тут что забыл? А ну, брысь!

— Барсик! Слава богу! — громко сказала я, заставив мужчину повернуться ко мне, — иди ко мне, глупый кот! — Я сделала вид, что не замечаю незнакомца и начала жестом выманывать котенка обратно. Но тот сидел, точно приколоченный намертво. Молодец, Барся, умный мальчик.

— Выпрыгнул в окно автомобиля, представляете? — я, наконец, посмотрела в голубые глаза потенциального самоубийцы, — и как мне его оттуда теперь выманить? Такси ждет, а тут стоянка запрещена. Не дай бог, наряд ГИБДД мимо поедет.

— Я... я... — мужчина сглотнул и начал нервно озираться, — я не знаю, как вам его выманить. Может быть, у вас есть колбаса или что там едят эти животные?

Его пальцы еще сильнее впились в железные прутья ограды.

— Нет у меня никакой колбасы с собой. Я его из приюта забрала. Его сегодня собирались усыпить. Никто не хотел такого облезлого и тощего котенка. А ведь все что ему нужно — теплый коврик да миска молока, ну и немного человеческого тепла. Всем нам нужно немного тепла, не так ли?

— Да-да... — отрешенно пробормотал мужчина. Его взгляд смягчился. Он отпустил одну руку и начал аккуратно наклоняться, чтобы поднять животное с земли. Я задержала дыхание. Лишь бы не сорвался.

— Держите ваше приобретение. Надеюсь, впредь вы будете более внимательно следить за тем, что вам дорого.

Он протянул мне котенка, мирно сидящего у него на ладони. Наверное, хороший человек. Кошки чувствуют ауру, к кому попало на руки не пойдут.

— Ой, — взвизгнула я, — кажется, меня таксист зовет! — Я резко развернулась и резво бросилась к машине. И только оказавшись возле поджидавшей меня на разделительной полосе серебристой «Лады», вновь посмотрела на незнакомца с моим котом на руках.

Тот вконец растерялся и смотрел на меня, как на последнюю дурочку из переулочка.

— Девушка, заберите кота! — крикнул он мне во весь голос.

— Принесите мне его, пожалуйста! — закричала я в ответ и как ни в чем не бывало плюхнулась на заднее сиденье автомобиля, закрыв за собой дверь.

Сердце в груди колотилось, как у Барсика пару минут назад — я будто Эверест покорила. Мужчина еще несколько секунд повертел головой в раздумьях, потом посмотрел на ни в чем не повинного кота и, наконец, перелез обратно на мостовую. Я громко выдохнула. Отошедший от моего гипноза таксист испуганно посмотрел на меня через плечо.

— А что мы тут стоим, собственно? — Он не помнил причины нашей внезапной остановки.

— Самоубийцу с котенком спасаем, — весело ответила я.

— Аа-а-а... — он посмотрел налево и увидел движущегося в сторону такси высокого блондина с облезлым котенком в руках, — этого, что ли?

— Этого.

Пассажирская дверь открылась, и мужчина наклонился, чтобы заглянуть внутрь.

— Дамочка, вы странная какая-то, — с улыбкой сказал он, — кто вам этого котенка доверил? В следующий раз, когда он попадет в беду, боюсь, меня рядом может уже и не оказаться.

— Простите, мне нужно было успокоить водителя. Он нервничал из-за простоя, — я протянула ладони, в которые прыгнул повеселевший Барсик.

— Кто нервничал, — водитель выгнул в удивлении седые брови, — я?

— Вы нервничали! — громко сказала я и пронзила его тяжелым взглядом своих миндальных глаз.

— Ах, да... нервничал, — во взгляде таксиста вновь промелькнула покорность, и он закивал головой, точно только что вспомнил нечто важное.

— Спасибо! Вы мне очень помогли, — я расплылась в своей самой обаятельной улыбке и одарила спасенного красавца благодарным взглядом.

— Не за что, — стушевался незнакомец и опустил глаза.

— Куда вас подбросить?

— Да, я сам как-нибудь... — отмахнулся он.

Ну, уж нет! Сам он, ага... Стоит мне только скрыться из виду, как он опять на парапет полезет.

— Должна же я вас как-то отблагодарить, — и вновь, уже в третий раз за какие-то пятнадцать минут, мне приходится использовать гипнотическую силу своего взгляда. Все. Сегодня больше ни-ни. А то точно мою энергетику уловит очередной фантом, а они мне до чертиков надоели.

— Хорошо, — сдался незнакомец, — но предупреждаю, нам наверняка не по пути. Я живу в районе Березовой Рощи. У меня дом на набережной, — он сел и закрыл за собой дверь, — Егор Карелин, кстати. Мы не познакомились.

— Ничего страшного, — на моем лице появилась легкая мечтательная улыбка, — я

очень люблю этот район. Аурелия Констанеску, — я протянула ему руку, которую он, вместо того чтобы пожать, поймал в воздухе и поднес к своим губам. Настоящий джентльмен, который почему-то решил свести счеты с жизнью.

— Очень приятно, — он сощурил глаза и слегка улыбнулся, — какое у вас необычное красивое имя. Молдавское?

— Почти.

Машина, наконец, тронулась с места и влилась в вечерний трафик. Я же была горда собой настолько, что не могла перестать улыбаться. Стараясь не смущать пассажира и водителя своим счастливым лицом, я отвернулась к окну и задумалась. Странное ощущение не покидало меня. Как будто я сделала что-то такое, что навсегда изменит мою жизнь. Неужели это тот самый случай, и я помогла тому самому живому, с которым меня свела судьба? Неужели, слова бабушки оказались правдой, и я на самом деле могу избавиться от своего ненавистного дара? Осталось выяснить, связывает ли Егора что-то с миром мертвых.

— Вот здесь, пожалуйста, — Егор рукой указал на высокий забор из красного кирпича с острыми коваными пиками. Из-за забора торчала зеленая черепичная крыша с прикрученной спутниковой тарелкой, макушки берез и статная красавица — голубая ель.

Машина плавно, шурша колесами по гравию, подкатила к входной калитке и остановилась.

— Спасибо, — мужчина обернулся и тепло посмотрел мне в глаза, — я, на самом деле, еще там, на мосту, догадался, что с котенком вы это... в общем, уловка это ваша была, не так ли?

Я улыбнулась уголками рта и погладила сопящего рядом Барсика.

— Вы правы, — я смущенно заморгала длинными пушистыми ресницами, — но, я надеюсь, вы не сердитесь?

— Вовсе нет, — Егор улыбнулся, — не хотите зайти, выпить кофе? В знак моей благодарности.

Я напряглась, не веря собственному счастью. Вот он — счастливый случай выяснить, что толкнуло его рискнуть жизнью.

— С удовольствием, — радостно выпалила я и поспешила протянуть водителю деньги, но Егор мягко убрал мою руку обратно.

Покопавшись в кармане джинсов, он отдал таксисту крупную купюру.

— Не нужно сдачи. Это компенсация за вынужденную стоянку на мосту.

Водитель расплылся в приторной улыбке и спрятал деньги за пазуху. Егор вышел из машины и открыл мою дверь.

— Прощу, — его голубые глаза смеялись, рассматривая мое немного смуглое лицо.

Сумерки опустились на город. Из раскрытой двери на меня дохнуло ароматом хвои и запахом близкой воды.

Я вышла из машины, прижав котенка к груди. Егор ловко расправился с замком на калитке, и мы оказались во внутреннем двореке его коттеджа.

Над ландшафтом явно поработал дизайнер. Ряды вкопанных в землю фонариков на солнечных батарейках освещали выложенные булыжником дорожки и зеленый сочный газон, который попадая под снопы света, становился оранжевым. Рядом с главной тропинкой журчал искусственный водопад, под сенью берез располагалась резная деревянная беседка и мангал, сразу за ней холодные блики отбрасывала прозрачная вода в бассейне.

Сам коттедж не вызывал особого восхищения, но очаровывал — большой одноэтажный дом из белого кирпича с мансардой и широкой террасой. Я довольно прищелкнула языком — не люблю мажоров, которые кичатся своими деньгами и выстраивают золоченые дворцы в три этажа. В таком доме, как у Егора, я и сама не отказалась бы пожить.

— Вы, наверное, думаете, что я тронулся умом, раз решил прыгнуть с моста, — подал голос мой спутник, а затем открыл входную дверь, — идемте, я вам кое-что покажу. Сейчас стемнело, должно быть хорошо видно.

— Ну, что вы... Я вовсе не считаю вас умалишенным, вы же этого не сделали.

Мы прошли через широкий холл, и поднялись по деревянной винтовой лестнице на мансарду, где располагалась хозяйская спальня. Егор толкнул дверь, и из комнаты в коридор вырвался пышный столп света из широкого окна в пол. Скошенный потолок зажегся тусклым

холодным цветом подсветки — сработал датчик движения.

Проснувшийся Барсик прыгнул с моих рук и забрался прямо на кровать, а затем приступил к вечернему туалету — начал тщательно вылизывать свои жидкие черные волосенки и умыть маленькой лапкой острую вытянутую мордочку.

— Барсик, — я бросилась за ним, — как тебе не стыдно, а ну, слезай на пол!

— Оставьте его, пусть сидит.

Егор подошел к окну и начал что-то внимательно выискивать на стекле. Я замерла возле кровати, наблюдая за ним.

— Вот здесь, — мужчина подышал на стекло и жестом позвал меня, — смотрите, сегодня утром появилось. Она, как всегда, в своем репертуаре.

В его голосе послышалось презрение, и я кожей почувствовала, как он ухмыльнулся.

Я подошла к окну и увидела проявившуюся на его поверхности надпись, выведенную чьим-то тонким пальцем — «Не отпускаю. Ты мой. Даже не пытайся».

— Ваша девушка написала? — предположила я.

— Ага, — на лице у Егора промелькнуло выражение безумия, — только мертвая.

Я приподняла бровь и пытливо взглядела в его глаза, пытаясь понять, врет ли он, или и правда верит в то, что говорит.

— Я обещал вам кофе, — он посмотрел на свернувшегося клубком котенка на кровати, — а моему спасителю миску молока. Идемте, я вам все расскажу и покажу. Мне, почему-то кажется, что вы неспроста оказались сегодня в нужном месте в нужное время. К тому же, в ваших глазах я не вижу таблички с надписью «очередной придурок».

— Вы правы, там такой таблички нет, — я улыбнулась.

Подхватив Барсика, я последовала за Егором вниз — в столовую, совмещенную с зоной гостиной. Он зажег свет и включил чайник. Затем жестом указал мне на стул с высокой трапецевидной спинкой, обтянутой белой кожей.

— Присаживайтесь, а я пока налью вашему питомцу молока и принесу ноутбук.

— Ноутбук? — Я вопросительно посмотрела на него.

— Да, — он открыл холодильник и вскрыл новый пакет молока, затем достал из навесного шкафа красного дерева небольшую миску и плеснул в него белую жидкость, — иди сюда, кис-кис...

Барсик мяукнул и вприпрыжку бросился к лакомству.

— После того как я побывал в дурке, благодаря своим же родным, и убедился, что никто из близких мне не верит, я начал это снимать. На камеру телефона. Минуточку.

Он скрылся за углом и через минуту вернулся с компьютером.

— Вам кофе с молоком? — Он поставил технику на стол и взялся за чайник.

— Подождет кофе, показывайте скорее, что вы там записали? Мне до жути любопытно.

Все во мне дрожало и волновалось в нетерпении. Внутренний голос кричал: «Это он! Тот самый живой, помощь которому избавит тебя от дара!»

— Что ж... — Егор поставил чайник обратно на плиту, присел рядом и включил ноутбук.

На экран выскочило окошко видеоплеера. Мой новый знакомый щелкнул мышкой и запустил ролик.

Первые кадры были однотипными — окно, а затем появляющаяся на нем надпись: «Не отпускаю. Ты мой!» Затем началось кино поинтереснее — летающие настольные лампы, мигающие лампочки, которые затем взрывались, парящие над кроватью подушки, льющаяся

на спящего Егора прямо с потолка вода и другие пакости.

— Вау, — вырвалось у меня, — знатный полтергейст у вас завелся!

— Значит, вы мне верите? — Его глаза вспыхнули надеждой. — Эта дрянь мучает меня уже целый год! Я даже переехал сюда из Ярославля, надеясь, что она меня не найдет, но, как видите, и тут достала. Сил моих больше нет, жить не хочется...

— Я заметила.

— Мне жаль, что наше знакомство началось со столь жалкого зрелища. Недостойно мужчины.

— Чем же вы насолили духам?

— Не духам, а одной злобной душонке, которая ревнует меня ко всему, что движется. Ну, а чтобы я не расслаблялся, устраивает пакости, наподобие тех, что вы видели.

— Так вы знаете, кто вам вредит?

— Погибшая невеста. Вы, правда, мне верите?

— Осталось вам поверить мне, — ответила я, — а теперь можно и кофе.

Егор понимающе кивнул и занялся приготовлением напитка. Мне на колени запрыгнул сытый и довольный Барсик, который тут же замурчал и начал массировать мои ноги, выпуская еще мягкие коготки.

— Пожалуйста, — передо мной возникла чашка с дымящейся ароматной жидкостью. Я сделала небольшой глоток, чувствуя, как кофе обжигает горло, оставляя на языке горькое послевкусие.

— Итак, — он поднял на меня глаза, — во что должен поверить я?

— В то, что провидение свело нас на этом мосту, и я едва ли не единственный человек в этом городе, который в состоянии вам помочь.

— Хм... Вы проведете обряд экзорцизма? — В глазах мужчины зажегся радостный огонек.

— Нет, это не мой профиль.

— А каков ваш профиль?

— Выполнять последнее желание неприкаянных душ, снимать проклятье, успокаивать разбушевавшихся духов и домовых. Я медиум. Потомственный. Моя прапрабабка, прабабка, бабка, мать, а теперь и я — у всех нас есть дар. Я цыганка. Представители моего народа всегда обладали этими способностями.

Егор громко отхлебнул из своей кружки, поправил сбившуюся на глаза светлую челку и широко улыбнулся. А затем пронзил меня насмешливым взглядом, от которого по коже побежали мурашки.

Я машинально запустила руки в свои густые, черные как вороново крыло волосы и приподняла их, словно мне стало жарко от его пронзительного взгляда.

— Большой вопрос — кто из нас больший сумасшедший, не находите? — сказал он, буравя меня глазами.

— О, да!

Я засмеялась. На душе почему-то сразу потеплело. Откуда-то из глубины моего естества прямо к сердцу пробилась ростки надежды. Надежды на скорое избавление от ночных незваных гостей из потустороннего мира. В том, что Егор тот самый, я больше не сомневалась. А с взбесившейся покойницей я уж как-нибудь разберусь.

Телефонный звонок застал меня в душевой кабине врасплох. От неожиданности я перекрыла горячую воду, но забыла повторить этот номер с холодной, и получила настоящий «заряд бодрости на весь день».

Матерясь, и утирая полотенцем с лица мыльную пенку от шампуня, я протянула руку и нащупала жужжащий на стиральной машинке аппарат.

В глазах щипало. По лицу, шее, рукам стекали ручейки воды. Телефон юлил во влажной и скользкой руке и норовил выпасть на бетонный пол. Я с трудом продрала глаза и посмотрела на номер звонящего — Егор.

— Алло! — Большой палец наконец нащупал нужную кнопку.

— А́ура?

— Я слушаю.

— Не разбудил?

— Не то чтобы разбудил, но ты слегка не вовремя.

— Ой, прости, ты там не одна? — в его голосе послышалось легкое разочарование.

— Нет, я голая, мокрая и вся в мыльной пене.

Мужчина громко рассмеялся, выкрыв у меня улыбку. От его заразительного смеха сразу улучшилось настроение, и даже полная лужа воды на полу больше не волновала так сильно, как пару минут назад.

— М-м-м... какие интересные подробности, — он съязвил, и меня это зацепило.

— Ага, а теперь жди лампой по голове. Ты бы поостерегся со мной заигрывать, пока за тобой по пятам ходит ревнивый полтергейст.

В трубке повисло молчание. Мои слова вернули его с небес на землю.

— Наша встреча в силе? — голос сразу стал серьезным и деловитым. Никакого намека на флирт. А жаль.

— Да, все в силе. Выезжаю, как только закончу свои водные процедуры, — попыталась я пошутить, ерзая на холодном полу.

— Понял. До встречи.

Егор положил трубку, и мне даже стало как-то немного обидно. Почему он не нашел повода продолжить разговор? Еще пару минут я вполне могла бы выстоять без банного полотенца и халата. И тут же самой стало стыдно за свои капризы — сама перекрыла кислород, обрубила на корню все попытки флирта, а теперь еще и обижаться вздумала. Вздорная, взбалмошная дамочка, которую нужно хорошенько...

Предаваться развратным мечтам дальше я не смогла. Сделав шаг, я спикировала пятой точкой прямо на керамические плиты. Ушибленный копчик начал ныть, отстреливая болезненными импульсами до самой макушки.

— Черт, — тихо выругалась я, потирая больное место.

Скрючившись, добралась до спальни, уселась на пуф перед зеркалом и включила фен. Тяжелая копна длинных черных волос взмыла в воздух, гонимая его мощными потоками. По ложбинке от ключицы к аккуратным острым грудям катились крупные капли воды. Я отбросила за плечи еще чуть влажные волосы и взяла косметичку.

Немного тона на миловидное, правильной формы лицо, пару штрихов румянами по высоким острым скулам, немного туши на ресницы, стрелками подчеркнуть выразительные

кошачьи глаза и легкий перламутровый блеск на пухлые алые губы.

Я посмотрела на свое отражение и улыбнулась ему. Такой я бываю редко, тем больше радости доставляет созерцания себя любимой в зеркале при «полном параде».

Натянув узкие джинсы и белую майку, я еще несколько минут повертелась перед зеркалом, чтобы лишний раз убедиться в своей привлекательности и обрести уверенность в своих силах. Я специально не стала надевать бюстгальтер, чтобы подчеркнуть природную форму молодой упругой груди. К тому же, мало кто в этом мире сможет держать себя в руках, наблюдая, как сквозь тонкую белоснежную ткань проступают острые соски шоколадного цвета.

Егор мне понравился сразу. И я намеревалась расправиться с мучающим его духом, а затем соблазнить. Или наоборот. Глупо лукавить и отрицать очевидное. На это задание я возлагаю большие, возможно, даже чрезмерно большие надежды личного характера.

Через полчаса мое такси остановилось в тихом дворике старого центра. Под сенью вековых лип и раскидистой ивы притаилось уютное кафе Le Marina. Я не смогла сдержать усмешку. Его бывшая настолько прочно прописалась в его голове, что даже рестораны для своих новых свиданий он выбирает созвучные с ее именем.

Я открыла дверь и попала в настоящее морское царство — корабельная тематика присутствовала в каждой детали этого заведения: фрески на стенах с изображениями пляжей, деревянные штурвалы на стенах, хитро переплетенная бечевка под потолком, портреты Джонни Деппа в образе Джека Воробья, и официанты в пиратском одеянии.

Холодный воздух из решетки мощного кондиционера в центре зала обдал мою кожу своим ледяным дыханием. По спине побежали мурашки, а соски под майкой сжались и вытянулись. То, что надо!

Я просканировала глазами зал и увидела его в дальнем углу за широким дубовым столом со стаканом апельсинового сока в руке.

Он потягивал напиток через трубочку и отрешенно смотрел в какую-то точку на стене.

— Привет, — я одарила его своей лучезарной улыбкой и присела напротив.

— Привет, — он улыбнулся в ответ, а затем его взгляд скользнул ниже. И застыл. Я довольно сощурила глаза.

— Как прошла ночь? — Я поставила локти на стол и подалась вперед, так, чтобы ему было лучше видно.

— Ее не было, — Егор, наконец, поднял на меня глаза и сглотнул. А затем поспешил скрыть свое возбуждение, жадно осушив стакан с соком, — я заказал тебе фреш из экзотических фруктов, если ты не против.

В его голубых глазах появился опасный блеск. Мой фокус с одеждой мешал ему сосредоточиться на серьезном. Но лично мне это и не было нужно. Я и так знала, что необходимо сделать — подкараулить эту мадам в момент ее припадка ревности, да выяснить, чего она на нашей грешной земле целый год после кончины шатается. Не забыла ли, часом, чего архиважного?

— Неужели? — Я вскинула бровь. Через секунду юркий официант поставил передо мной большой кувшин свежавыжатого сока со льдом и стакан со смешными пластиковыми зонтиками.

— Спасибо, — я кивнула официанту, который протянул мне наполненный напитком бокал.

— Когда я один, — Егор замялся, — в смысле, когда у меня нет девушки, — она меня не

трогает.

— Вот как? — Я отхлебнула из стакана.

— Но стоит мне только провести вечер с новой пассией, или привести девушку к себе, — вот здесь и начинается шоу.

— А меня она за конкурентку не принимает? — решила я пойти ва-банк и поставить вопрос ребром.

Егор расплылся в хищной улыбке, оголив ряд ровных широких зубов с выделяющимися резцами. Настоящий самец.

— Думаю, ей стоило бы, — он бросил мне вызов и теперь буравил глазами мою грудь, совершенно позабыв о приличиях.

Я вспыхнула от его взгляда, как порох. По позвоночнику сверху вниз прошелся электрический разряд, который, словно молния, ударил чуть ниже живота. Я заерзала, ощущая, как теплая магма желания сочится на мои трусики.

— Тогда она непременно объявится.

— Подождем? — он вскинул бровь и вопросительно посмотрел на меня.

— Подождем.

Я опустошила свой бокал, облизнула губы и откинулась на спинку деревянной лавки. Егор не сводил с меня глаз. Я взглядом скользила по его гладко выбритому лицу с чуть выдающимся вперед подбородком, мысленно проводила пальцем по плотно сжатым властным губам и прижималась поцелуем к высокому лбу, на который ниспадали мягкие светлые волосы.

— Я бы предложил тебе прогуляться, — он сверкнул глазами, — но погода не располагает. Еще и двенадцати нет, а уже печет, как в жерле вулкана.

— Прогулка — плохая идея, — поддакнула я.

— Боюсь, если приглашу тебя к себе, ты можешь меня неправильно понять.

Сердце в моей груди подпрыгнуло, ударилось о голосовые связки и упало обратно. В горле сразу же пересохло. Я налила себе полный стакан сока и залпом опрокинула его.

— Я думаю, твой дом — идеальное место для того, чтобы подкараулить терзающего тебя призрака.

Этому мужчине не нужно было повторять дважды. Он довольно прищурил глаза, затем жестом подозвал официанта и расплатился за напитки.

— Тогда я приглашаю тебя провести этот день у бассейна, попивая «Мохито» или «Пина Коладу» — в зависимости от того, что ты больше любишь.

Он встал рядом со мной и галантно протянул широкую ладонь, приглашая встать. Я вложила в нее свою руку, кожей ощутив его внутреннюю силу и магнетизм. Меня тянуло прижаться к нему, запустить руку в задний карман его джинсов и яростно сжать упругую ягодицу, но я сдержалась.

— Ты профессиональный бармен? На этом сколотил состояние? — В моих глазах промелькнула игривая насмешка.

— Прекрасная тема для беседы, кстати, — мы вышли на улицу, где сразу же ощутили, как безжалостны ко всему живому солнечные лучи.

Он достал из кармана брелок с ключами и нажал на кнопку отключения сигнализации. В пестром ряду машин, припаркованных во дворе, на его призыв отозвался новенький черный «Порше Кайен». Я присвистнула, пытаясь в уме сложить его дебет с кредитом. Для потенциального самоубийцы он слишком красиво живет.

— Тогда вези меня скорее, побеседуем.

Легкий звон заставил меня открыть глаза. На выложенном мозаичной плиткой бортике бассейна стоял высокий бокал с ароматной жидкостью бело-голубого цвета.

— Твоя «Пина Колада», — я подняла глаза на стоящего передо мной в одних плавках Егора и прищурилась из-за слепящего обеденного солнца.

По его крепкому торсу катились крупные капли воды, из-за чего гладкая кожа груди и пресса блестела и переливалась. Солнечные лучи, попадая на его мокрое тело, преломлялись и отражались ярким светом.

Мой взгляд скользнул ниже — к массивному треугольнику плоти, который влажная ткань плавков обтягивала так плотно, что моему взору открывались все детали — и приличный размер «хозяйства», и его ровные линии.

Я приподнялась на локтях и ловко выпрыгнула из воды на разогретые солнцем плиты. Новенький купальник, купленный по дороге и подаренный мне Егором, сидел как влитой, так что я без стеснения подставила свое тело ультрафиолетовым лучам.

— М-м-м... — я сделала жадный глоток через трубочку, — как вкусно! Ты так и не рассказал мне, где научился так колдовать над коктейлями?

Егор опустился рядом со мной и обхватил руками согнутые колени. Мой взгляд невольно задержался на его подкачанных бедрах и массивных икрах.

— У меня в Ярославле остался бизнес, сеть кофеен «Чао Какао». Я и здесь пытался открыть после переезда кофейню, но это невозможно, когда медленно, но верно сходишь с ума.

— А почему именно кофейни? В наследство достались или с нуля начинал?

— Студентом подрабатывал в барах, так родилась идея. На последнем курсе выиграл олимпиаду президентскую по экономике — получил приличную стипендию, появились деньги на первое кафе. Ну, а дальше — просто подфартило. Грамотный маркетинг, бизнес-план, ценовая политика, ну и так далее.

— Ого, так ты у нас ботаник? — Я прыснула от смеха, прикрыв рот рукой.

— А ты думала, все обеспеченные мужчины на самом деле папенькины сынки, которые сами палец о палец не ударили? — он улыбнулся в ответ: — Вот тебе за это!

Он вскочил на ноги, ухватил меня за плечи, и мы топориком рухнули в воду. Я даже бокал с коктейлем из руки выпустить не успела, и он теперь всплыл, как подводная лодка, на поверхность, оставив рядом с собой белое расплывающееся пятно «Пина Колады».

Вдоволь наглотавшись воды и подпортив идеальный макияж, я вынырнула, и начала жадно хватать ртом воздух. Из груди рвался противный кашель, отдающий привкусом хлорки.

Через секунду рядом со мной появилась голова Егора, шикарная шевелюра которого теперь свисала по обе стороны лица мокрыми прядями.

— Я бы на твоём месте десять раз подумала, прежде, чем топить единственного медиума в городе, способного тебе помочь! — с жаром воскликнула я, а затем звонко шлепнула его по накачанному плечу.

— У тебя, кажется, тушь потекла. — Он еле сдерживался, чтобы не расхохотаться.

Его крепкие руки под водой обхватили меня за талию и притянули к себе. Моего живота коснулась его прохладная кожа, и я вздрогнула, тут же покрывшись мурашками. Из-за

нарастающего возбуждения, я забыла обо всем на свете. В мыслях вертелось только одно — «я хочу его!».

— Черт с ней, — ответила я про тушь, не в силах отвести от него взгляда.

Наши глаза встретились и замерли, словно время вокруг прекратило свой бег, словно земля застыла на месте и перестала вращаться, словно кто-то нажал на паузу, чтобы мы могли проникнуть в самые потаенные уголки друг друга, прочитать все мысли и раскрыть все секреты.

— Что-то она не появляется, — пробормотала я, касаясь кончиком носа его щеки, — может быть, ты все выдумал?

— Я думаю, — ответил он, тяжело дыша, — мы недостаточно сильно провоцируем ее.

Его губы прижались к впадинке между шеей и ключицей, и меня словно опустили в бурлящий гейзер с горячей водой. Тело обдало жаром, на висках выступили капельки пота, внизу живота началась сладкая пульсирующая агония. Внутренний голос начал выкрикивать такие непристойности, что лицо залил румянец.

— Ты думаешь? — я призывно посмотрела на него.

— Уверен, — прошептал Егор.

Он с легкостью атлета подхватил меня на руки и медленно вынес по широким ступенькам из воды. Я уложила голову ему на плечо и слушала биение его сердца — ровное, тяжелое, глубокое. Наши взгляды сцепились в яростной животной схватке и кричали друг другу то, что мы не решались произнести вслух.

Егор ногой толкнул входную дверь, занес меня в дом и поднял на второй этаж, оставив после себя в холле и на лестнице скользкую водную дорожку.

— Можно в душ? — шепотом спросила я, чувствуя, как тушь начинает разъедать глаза.

— Только со мной, — он поставил меня на ноги и быстро поцеловал в губы.

Он словно украл этот поцелуй — такой легкий, невесомый, едва уловимый. Казалось — он мне и вовсе почудился.

— Только с тобой.

В его глазах блеснули молнии. Он с силой прижал меня к себе и впился губами в мой рот. Как голодный волк он накинулся на меня, буквально поедая мою плоть. Шарахаясь из стороны в сторону, не в силах оторваться друг от друга, мы, точно торнадо, ворвались в ванную и встали под душ. Земля плыла у меня под ногами, голова кружилась от недостатка кислорода, я задыхалась в его объятиях.

Не отпуская меня ни на секунду, он рукой нащупал кран и открыл воду. Теплые струйки упали на мою голову, побежали ручьями по коже. Егор на мгновение отпустил меня, чтобы сделать глубокий вдох, и я тут же подставила лицо потокам воды, чтобы смыть косметику.

Внезапно Егор прижал меня к стене и с силой сжал грудь ладонью. Я слышала его порывистое дыхание рядом с ухом, а затем ощутила легкий укус за мочку. Вторая его рука забралась мне за спину и уже расправилась с завязками купальника. Он наклонился ниже, прошелся языком по шее, затем ухватился зубами за тесемку и потянул ее вниз. Под напором воды верхняя часть моего наряда упала на пол. Егор тут же обхватил губами сосок и начал нежно его покусывать, облизывать, вытягивать губами.

Я больше не могла терпеть и держать в себе рвущийся наружу стон. Из приоткрывшегося рта вырвался страстный крик. Моя рука нащупала его вздыбленный под плавками пенис. Я сжала его в ладони, закинув одну ногу ему на бедро.

— Ты хочешь? — прохрипел он где-то рядом с ухом, запуская руку мне в трусики.

Я всем телом подалась ему навстречу, выгибаясь, как сонная кошка.

— А ты как думаешь?

Егор ухмыльнулся, резко стянул с меня трусики, достал из плавок член и резко вошел в меня.

Его рука подхватила мою вторую ногу, и он приподнял меня над землей. Я обхватила ногами его за бедра и вцепилась ногтями ему в плечи.

Горячая волна удовольствия захлестнула меня с головой. Казалось, за моей спиной вырастают крылья, я могу взлететь и парить, как птица, видеть шапки гор и зеленые равнины, задевать облака и соревноваться в скорости с ветром.

Невиданное по силе ощущение экстаза заставляло биться в конвульсиях каждую клеточку, сжиматься в тугое кольцо влагалище, пульсировать в сладкой агонии клитор.

Я всем телом прижалась к Егору и застонала. Кончики пальцев на руках и ногах онемели и покалывали, словно в них вонзились мелкие еловые иголки.

Егор громко вскрикнул, дернулся и застыл. На его лице появилось мечтательное выражение. Через минуту от аккуратно спустил меня на пол.

— Ты всегда таким образом устраняешь полтергейст? — пошутил он, закрыв воду и протянув мне широкое полотенце.

Я без тени стыда отбросила полотенце на пол и грациозной походкой прошла в спальню.

— А ты всегда таким образом заманиваешь в свои сети красивых девушек? — Я забралась на кровать и похлопала по одеялу рукой, приглашая его присоединиться.

Егор широко улыбнулся и с разбега запрыгнул на кровать. Затем перевернулся на спину и закинул руки за голову.

— Мне кажется, мы недостаточно старались спровоцировать Марину. Повторим?

Я прижалась к нему и протянула для поцелуя губы. Он нежно коснулся их указательным пальцем, пронзая меня многозначительным взглядом. Внутри все предательски загорелось и затрепетало в ожидании новой порции удовольствия.

Я прикрыла глаза, провела рукой по ровным кубикам его пресса, облизнулась... и громко ойкнула.

Кто-то с размаху ударил меня по спине. Кожа в этом месте загорелась, а я резко подскочила на кровати, уставившись на Егора испуганными глазами.

— Зачем ты меня ударил?

Мужчина нахмурил лоб и закрыл глаза рукой, словно разочаровался в чем-то.

— Это не я, — виновато ответил он.

Я медленно повернула голову и открыла от удивления рот.

— Привет, сучка! — На меня со злобной улыбкой смотрела молодая блондинка с аккуратными маленькими рожками, пробивающимися сквозь ее вьющиеся локоны. — Марина, приятно познакомиться.

— Выйдем, поговорим?

Блондинка в тонких черных леггинсах с кожаными лампасами по бокам и красной шифоновой блузке, сквозь которую просвечивался черный кружевной бюстгальтер, сверкнула белоснежной улыбкой и смерила меня хищным взглядом кроваво-красных глаз.

К моему удивлению, от нее веяло совсем не холодом, а самым настоящим жаром. На коже выступила испарина. Я провела рукой по лбу, ощущая, как на пальцах остаются капельки пота.

— Ты ее слышишь? — Я посмотрела на Егора, который встал и уже натянул на себя шорты и футболку.

— Слышит, слышит... — подала голос блондиночка, — но не видит.

— Как же ты достала, — со злостью пробормотал Егор, озираясь по сторонам в поиске места, откуда исходит голос.

— Она тут, рядышком, — я взглядом указала на край кровати, — красивая гламурная фальшивка, — резюмировала я свое впечатление об этой особе, — и как только тебя угораздило с ней связаться?

— О-о-о, — протянула Марина, закатив глаза, — как давно я не слышала комплиментов! Милый, ты совсем перестал говорить мне комплименты после той аварии.

Она выдавила из себя слезу и театрально смахнула ее с лица.

— Да если бы я мог, я бы сам тебя под колеса того грузовика повторно отправил! — с яростью закричал Егор. — Единственный, кого мне жаль в этой ситуации, — наш нерожденный ребенок. Чем ты вообще думала, когда на встречу вылетела?

Я не ожидала от него такого приступа гнева. В какое-то мгновение, я даже испугалась искр, которые летели из его глаз, норовя устроить пожарище.

— Ой, не смейся мои тапочки. — Марина встала с кровати и, цокая острыми шпильками красных босоножек, подошла к Егору. — Ты повелся, да? — она усмехнулась. — Что тут можно сказать, ло-ша-ра!

Пространство заполнил ее звонкий смех, похожий на телефонную трель. Егор сжал челюсть. Его взгляд блуждал по комнате в поиске жертвы. Так удав смотрит на кролика, собираясь его придушить.

— Ребенка не было? — встряла я. — Слава богу!

— А́ура, мне кажется, пришло время провести с Мариной воспитательную беседу, — он бросил на меня умоляющий взгляд, — ее там заждались...

На слове «там» он опустил глаза, намекая на могилу.

— Что ж, — я встала с постели и подобрала с пола полотенце, затем обернулась в него, — дорогуша, если ты позволишь, я хотела бы одеться, прежде, чем мы побеседуем.

— Оу, конечно, не вопрос. Я так-то, нормальной ориентации, и твои прелести меня... э-м-м-м, совсем не прельщают, — девушка прыснула от смеха, — прошу прощения за тавтологию.

Она изящно крутнулась на каблуках и, виляя задницей, направилась к выходу. Я же вновь открыла от удивления рот — из-под блузки торчал приличного размера хвост с аккуратной русой кисточкой — как у льва.

Я раньше никогда не встречала подобных духов, и что-то мне подсказывало, что Марина

совсем не странник.

— Ты справишься с ней? — подал голос Егор, когда ее шаги утихли на лестнице.

— Не знаю.

— Но, ты же сказала мне, что знаешь, как успокоить ее душу! — В его взгляде мелькнула растерянность.

— Думала, что знаю.

Увидев недоумение на его лице, я поспешила исправить положение.

— Просто, я раньше никогда не встречала неприкаянных с рогами и хвостом, но...

Он не дал мне договорить. Его глаза чуть не выкатились из орбит от шока.

— Что?! У нее рога и хвост? — Он обхватил себя руками за голову и начал ходить туда-сюда по комнате, измеряя пространство нервными шагами. — Да она черт! При жизни была подлой интриганкой, и на том свете не изменяет своему амплуа.

— Егор, — я подошла к нему и провела ладонью по щеке, — я не боюсь ее. Мы обязательно найдем выход. Для начала я попробую использовать проверенный метод — выполнить ее незавершенное дело.

— А если не получится?

— Если не получится, я спрошу у бабушки, что с ней делать. У нее гораздо больше опыта, чем у меня, да и по силе она меня значительно превосходит... точнее, превосходила, пока совсем не постарела.

— Ясно. Хорошо. — Он взял в руки мое лицо и крепко поцеловал. — Нужно просто успокоиться и довериться тебе, так? Ты наш... то есть мой единственный шанс?

— Так, — я улыбнулась, — ну все, пойду, а то она взбесится.

Последнее слово застряло у меня в горле, и я поняла, какую глупость только что сказала — взбесившийся бес. Или демон. Кто она там? Поди разбери.

— Аурелия, я с тобой, — Егор нагнал меня в дверном проеме.

— Не лезь в девичьи разборки, тебе же хуже будет.

Он замялся, бросая мне через плечо опасливые взгляды.

— Мы не знаем, на что она способна. Я не хочу, чтобы она причинила тебе зло!

— Даже если она решит меня прикончить — ты ничем не сможешь помочь.

Поправив волосы, я вышла в холл. Снизу слышалось невнятное бормотание, похожее на пение. Я напрягла слух, пытаюсь разобрать слова:

Ты любовница, а я ему жена.

Как же быть, когда любовь одна?

На троих у нас всего одна семья.

Ты его украла у меня. [\[1\]](#)

Голос стих, а у меня по спине пробежал холодок. Я глубоко вздохнула и спустилась по лестнице. Что за песню она сочинила? Какая еще жена?

— Человечий дух чую... — протянула девушка, — иди не бойся, я не кусаюсь.

Я спустилась на один пролет и увидела ее стоящей у первой ступеньки с бананом в руках. Посмотрев в ее налитые кровью глаза, я на несколько секунд потерялась там. Она взглядом подавляла мою волю и мешала рационально мыслить.

— Иди, иди ко мне, не робей, — ее голос стал тихим и мягким.

Неожиданно моя ступня оказалась на чем-то скользком и липком. В следующую секунду я пятой точкой сосчитала ступеньки. Эта гадина бросила на лестницу банановую кожуру и отвлекла мое внимание.

«Второе падение за день — это чересчур!» — кричал возмущенный копчик. Как только я пролетела последнюю ступеньку, рядом с ухом раздался зловещий хохот, больше похожий на рык подвыпившего мужика, чем на смех молодой девушки.

— Больно? — с притворным участием спросила она, протягивая руку. Я отмахнулась.

— Значит, так ты решила начать разговор? А я-то думала ты из приличной семьи, хорошо воспитана...

— Совсем забыла, — она отвернулась от меня и направилась к дивану, — демоны не едят бананов, — в то же мгновение над моей головой пролетел нетронутый плод, — они вообще не едят.

— Значит, демон? — Скрепя зубами от боли, я встала и поковыляла за ней.

— Полагаю, что да, — она на минуту задумалась, — хотя, не знаю. Судя по рогам и хвосту — так оно и есть.

Что-то щелкнуло в моей голове. Я словно вспомнила позабытый урок. Усевшись напротив Марины на угловой кожаный диван, я бросила на нее насмешливый взгляд.

— Как же так? Ты что, не знаешь, почему твоя душа целый год не может найти покоя?

— Почему же? Догадываюсь. Мне нужно защищать любимого мужа от настырных любовниц, которым только и нужны его деньги.

«Вот оно что, — я довольно сощурила глаза, — очевидно, дамочка в силу своего характера, очень сильно разозлила привратника в чистилище, и он отправил ее обратно на землю в полном неведении».

Это и хорошо, и плохо одновременно. Хорошо, потому, что она сама не знает, во что, а точнее, в кого превратилась, а значит — и силу свою не осознает.

А вот плохо, потому, что придется долго гадать и тыкать пальцем в небо, чтобы понять, что держит ее на земле.

— Ну что же, — я по-деловому выпрямила спину и сложила руки на коленях, — а теперь поговорим.

— Во-первых, — я выставила вверх указательный палец, — прежде, чем я помогу тебе, — на лице у Марины появилась саркастическая ухмылка, — нужно прояснить один важный момент — Егор тебе не муж и никогда им не был, так что оставь свои мечты.

— Отсутствие штампа в паспорте еще ни о чем не говорит, — бросила она.

— Еще как говорит. Закончила бы юрфак, знала бы, о чем речь. Вы свои отношения нигде не регистрировали — ни перед людьми, ни перед Богом.

— Ой, вот только не надо упоминать имя Господа всеу! — Ее лицо перекошилось от злости. Казалось, она вот-вот начнет шипеть, как змея. Оно и понятно, какому демону понравятся богословские разговоры?

— Во-вторых... — продолжила я, но та жестом остановила меня.

— Во-вторых, ты сейчас выйдешь из этого дома, поднимешься по тротуару к дороге, сядешь на маршруточку, ну или на такси (на что денег хватит), и отчалишь восвояси. На-все-гда! Поняла?

Я вспыхнула от негодования. Что она о себе возомнила? Думает, я струшу перед новообращенной демоницей? Не на ту напала!

— Девочки, вы уже поговорили? — со второго этажа послышался голос Егора.

— Уйди! — хором ответили мы.

— А́ура, ты в порядке? — вновь заговорил он.

— Все хорошо, милый, — я специально сделала акцент на слове «милый», наблюдая, как бледнеет от злости и ревности хорошенькое личико соперницы.

Она бросила взгляд на стоящую неподалеку высокую напольную вазу с полевыми цветами, и та взмыла в воздух.

— Егор, берегись! — крикнула я и сама сгруппировалась, прикрыв лицо руками. В то же мгновение ваза просвистела мимо моей головы и с грохотом разбилась о стену где-то наверху.

— Решила прикончить любимого? Чтобы никому не достался?

— Я не поняла, почему ты еще здесь? — Она встала и поставила руки в боки, приняв угрожающую позу.

— А если я не собираюсь от него отказываться, то что? — Я тоже вскочила с дивана и повторила ее стойку.

— Тогда вы оба очень пожалеете! — Из ее горла вырвался целый оркестр голосов — детских, мужских и женских. Она оттолкнулась от пола и поднялась над землей. Вокруг ее фигуры начал фосфоресцировать блеклый, едва уловимый взгляду огонь. А устремленные прямо на меня глаза превратились в два красных пятна. Нельзя было различить ни зрачка, ни радужки, ни белка.

От этого зрелища волосы на моем теле встали дыбом. По коже поползли холодные слизи, а сердце замерло в груди.

— Э-м-м-м... ладно, — я обежала вокруг дивана и встала возле входной двери, — сейчас я уйду.

— Да, вали уже, — она резко плюхнулась обратно на диван и протяжно зевнула, вновь приняв нормальный облик, — время аудиенции закончено.

На лестнице послышались тяжелые шаги. Егор не выдержал неизвестности.

— Ты уходишь? — Он смотрел на меня, как на предателя, смахивая с головы остатки ромашки.

— Да, мне пора, — я жестом изобразила телефонный звонок и подмигнула ему. Он понимающе кивнул, — засиделась я. А дома кот, точнее коты, не кормлены. Ты, главное, не сходи с ума и не лезь больше на мост. Все будет хорошо!

— Она здесь? — Он огляделся вокруг, сканируя комнату, как радар.

— Здесь-здесь, не переживай, милый! — эта гадина повторила за мной и ехидно улыбнулась: — Сейчас гостью провожу и я полностью в твоём распоряжении.

Егор сжал кулаки и бросил на диван презрительный взгляд.

Я открыла дверь и выскочила на улицу. Произошедшее не укладывалось в моей голове. Что это за фантом такой, который дерется, бросается вазами, да еще и разговаривает, точно целый хор? Неужели ее сила настолько велика, что она может формировать столь мощное энергетическое поле вокруг себя? Других объяснений у меня не было. В любом случае, что бы там ни было, она крайне опасна.

Тяжело дыша, я поднялась в горку к остановке общественного транспорта. Не успела я заскочить в подоспевший автобус, как в кармане зазвонил мобильник.

— Алло, Егор? Что случилось? Она успела что-то натворить?

— Марина пропала.

— Как пропала? Куда?

— А вот так. Как только ты вышла из дома, пробормотала мне «чао, дорогой», и наступила тишина.

— Ты уверен, что ее нет? Может, она притаилась и просто выжидает удобного момента, чтобы напасть?

Пассажиры в автобусе дружно повернули на меня головы и смерили подозрительными взглядами. Я приложила к трубке руку и стала говорить тише — чего доброго, еще доблестную полицию вызовут.

— Уверен. В доме вновь прохладно.

— Ну, это аргумент, — я вспомнила, что она действительно выделяла такое количество тепла, что можно целую пятиэтажку зимой согреть, — послушай, я сейчас в транспорте, говорить не очень удобно, все локаторы на меня направлены. Давай лучшей подъезжай ко мне, у меня пара мыслишек есть.

— О'кей. Через час буду.

Я нажала отбой и уставилась в окно. Из распахнутых окон и люка на крыше в лицо дул теплый ветер, который с удовольствием трепал мои черные волосы. На улицах загорались фонари и неоновые вывески магазинов, ресторанов и баров. В парках теснилась молодежь, которая с наступлением вечера выпорхнула из душных квартир на свежий воздух. В укромных уголках на скамейках друг к дружке жались влюбленные парочки, пенсионеры выгуливали собак, а молодые мамы детей. Город жил своей жизнью и ничего не подозревал о том, что в самом его сердце творится самая настоящая чертовщина.

И как же мне хотелось выйти на ближайшей остановке, взять огромный стакан холодной газировки, что продается прямо на улице на розлив, присесть на лавочку возле поющего фонтана в Кольцовском сквере и просто почувствовать себя человеком! Обычным таким человеком, женского пола, двадцати семи лет отроду, с красивой фигурой и привлекательной смуглой мордашкой.

Голова от этих размышлений начала ныть, в висках пульсировало, а на душе скребли

кошки.

Я даже мужчину нормального встретить не в состоянии — то юродивые, то психические, то до смерти запуганные полтергейстами, а теперь вот без пяти минут самоубийца с подругой-демоном в придачу. Получите, распишитесь.

И ведь какой «безпятиминутсамоубийца»! Пальчики оближешь! Перед глазами всплыло его мужественное притягательное лицо в обрамлении густых пшеничных волос, его крепкое сильное тело, его горячие ладони... К щекам прилила кровь, а между ног стало жарко. Как же давно я мечтала о таком — умном, но не зазнайке, обеспеченном, но без фанатизма, привлекательном, но не слащавом. В общем, мечта, а не мужчина. Но только мне в жизни могло так повезти, чтобы у этого прекрасного принца оказалось столь неприятное и опасное приданное.

За этими противоречивыми мыслями, я не заметила, как чуть не проехала свою остановку. Вовремя спохватившись, я вновь стала предметом всеобщего внимания, закричав на весь автобус «остановите!». На меня устремилось с десятков любопытных взглядов. Народ постарше принялся перешептываться и укоризненно покачивать головами, мол, вот молодежь пошла, никакой культуры поведения в общественном месте.

— Спасибо, — буркнула я, выбираясь на улицу.

Завернув за угол родной панельной девятиэтажки, я тяжело вздохнула. Этого мне только не хватало — на скамейке у подъезда меня поджидала давняя знакомая, а по совместительству — постоянная клиентка Любовь Алексеевна. Ну а что? Нужно же мне чем-то зарабатывать на жизнь, если работать по профессии «хобби» не дает? Пять лет института коту под хвост. Кому нужен дипломированный маркетолог, если он на рабочем месте и пары часов высидеть не может? Вот и приходится гадать, да на мужиков привороты делать.

Привороты, правда, все больше шарлатанские, темные делишки не по мне. Все на психологии внушения держится. Иногда, правда, не держится, потому что ничем ты мужика не удержишь, если не хочет он. Чаще же дело за малым — просто вселить толику уверенности в клиентку, и та на крыльях домой летит — и ужин вкусный приготовит, и прическу сделает, и любимого приласкает. Вот и весь приворот.

— Аурочка, а вот и ты! — Любовь Алексеевна расплылась в широкой улыбке, блеснув парой золотых коронок, — а я-то заждалась, битый час уже под дверью сижу. Договаривались же.

Черт! Совсем забыла, что она сегодня должна прийти! Я виновато улыбнулась, почесывая затылок.

— Любовь Алексеевна, вы простите, но сегодня срочные дела появились, придется перенести сеанс. Да и свечей тех, что нам нужны, в лавку еще не подвезли. Все равно бы не вышло, — начала я плести первое, что пришло в голову, чтобы оправдать свою забывчивость.

Женщина сразу погрузилась, опустила глаза, замаялась. Видимо, опять ее благоверный разводом грозит.

— Что же делать? Уйдет ведь...

— Не уйдет, в полночь немного поколдую, — я заговорщицки подмигнула ей, — вы идите и ни о чем не думайте. Все, как обычно, — котлетки, массажик, и дальше, по программе. Все будет хорошо.

Я посмотрела ей в глаза, включив силу своего гипнотического взгляда. Ее зрачки резко расширились, а затем сузились. Она закивала головой и начала улыбаться, точно я ей ключик от сундука с сокровищами выдала.

— Ой, спасибо! И правда, пойду, — она быстро развернулась и зашагала прочь, повинаясь моему мысленному приказу, а я вздохнула с облегчением.

Поднявшись к себе, я устало опустилась в любимое кресло-качалку и прикрыла глаза. Жутко хотелось есть, но еще больше спать. Уловив мой меланхоличный настрой, на колени тут же запрыгнул Барон, а следом за ним и спасенный накануне Барсик.

Я провела рукой по их гладким спинкам и посмотрела на часы — Егор должен быть с минуты на минуту. И, точно подслушав мои мысли, в холле раздался залиvistый звонок домофона.

— Ну вот, друзья, — сказала я, аккуратно спуская их на пол, — а теперь погадаем.

Приторный аромат роз ударил мне в нос, едва я открыла дверь. Огромный букет с мужскими ногами предстал передо мной. Из-за алой шапки цветов не было видно головы Егора, но я и так знала, что это он.

— Ого! — вырвалось у меня, — сколько их здесь?

Он наклонился так, что его лицо теперь выглядывало сбоку от душистой охапки, и широко улыбнулся.

— Нравится? Здесь сто одна роза.

— Заходи, — я отошла в сторону, чтобы впустить его, — мне, правда, безумно приятно, но тебе не стоило так тратиться.

— Женщина не должна волноваться о том, сколько потратил мужчина. — Он вошел в холл и жадно поцеловал меня.

От этого поцелуя голова опять пошла кругом. И если бы не пустой желудок, который в этот момент издал протяжное урчание, я бы, наверное, накинулась на него и утащила в спальню.

— Предлагаю немного подкрепиться.

— Ты предлагаешь или твой бурчащий животик? — Егор улыбнулся уголками рта и начал осматриваться в квартире.

— Уютненько у тебя, мило... — его взгляд скользил по стареньким однотонным обоям болотно-зеленого цвета, широкому платяному шкафу из ольхи и пушистой ковровой дорожке на полу, — а ваза где? Куда поставить цветы?

— Такой большой вазы у меня нет, пусть пока в ванной поплавают.

Я рукой указала направление. Егор кивнул и прошел вперед по коридору. Через минуту мой слух уловил шелест воды. Тем временем я прошла на кухню, включила чайник и сделала несколько бутербродов. Благо, в холодильнике завалялась баночка икры.

— Ого, шикарем? — неожиданно воскликнул он, появившись в дверном проеме, и взглядом указал на мои кулинарные шедевры.

— Все шутишь?

— Обожаю чай с бутербродами, — он подошел сзади и обнял меня, — особенно, когда их готовят такие сексуальные красавицы.

По позвоночнику побежали электрические разряды. Его горячее дыхание обжигало шею. Я глубоко подышала и прикрыла веки, наслаждаясь мгновениями близости. Из состояния сладкой истомы меня вывел свист закипевшего чайника.

— Садись, чай стынет. — Я мягко отстранилась от него и первой села за стол, взглядом приглашая его присоединиться.

— Горячо...

Егор отхлебнул из своей кружки и пристально посмотрел мне в глаза. И что-то мне подсказывало, что слова его вовсе не о температуре чая.

— Так ты говоришь, что она просто взяла и растворилась в воздухе после моего ухода? — Я решила перевести разговор в конструктивное русло, ибо чувствовала, что еще пара таких полунамеков, и наша беседа закончится в кровати. А это никак не поможет утомить Марину.

— Да, я думаю, она как Цербер — зорко охраняет меня от влюбленных взглядов и

прочих посягательств. Ты ушла, и у нее больше не было причины терзать меня.

— Вот оно что...

— Но перед самым моим уходом я вновь заметил ее автограф на окне.

— Что на этот раз?

— Ничего оригинального — «Не отпускаю. Ты мой».

— Прочно она в тебя вцепилась, — я усмехнулась.

— Ты говорила, у тебя есть какие-то идеи?

— Да, — я прожевала последний кусок булки и отставила в сторону чашку, — я тебе уже говорила, что впервые сталкиваюсь с такой сущностью. Это не просто неприкаянная душа, которая что-то забыла на грешной земле. Судя по ее талантам и внешнему виду, мы имеем дело с демоном, которого почему-то не пускают домой.

— В ад, что ли? — Егор округлил глаза.

— Ага.

— То есть ты не знаешь, как мне помочь?

— Не знаю, но буду пробовать все, что умею. А если мои методы не сработают, я знаю, у кого спросить совета.

— С чего начнешь?

— С самого простого. А вдруг получится? Переберем все возможные дела, которые она не успела выполнить при жизни, и закончим их за нее. Подумай, что она не успела?

— Институт не закончила, подруге она, вроде как, денег была должна, еще у нее была морская свинка, которую она в клинику на лечение сдавала — так получается, она ее оттуда и не забрала.

— Мелочи это все, — недовольно буркнула я, — серьезное что-то было?

— Она так и не призналась родителям, что ее отчислили из института, и не рассказала, что вместо учебы работает танцовщицей в мужском клубе.

— Ну и невесту ты себе нашел, — с моих губ сорвался смешок.

— Это она меня нашла. — Егор недовольно сдвинул брови и обиженно отвернулся к окну.

— Как это, нашла?

— У родной сестры увела.

— Ого!

Я прищелкнула языком и укорительно покачала головой. Вот это бестия — ничего святого нет. Ладно еще у подруги парня умыкнуть, но у родной сестры — это куда нужно свою совесть отправить, чтобы потом по ночам спокойно спать?

— День рождения Кати, сестры ее отмечали, я выпил лишнего, ну она и воспользовалась тем, что Катя на балкон вышла воздухом подышать. А дальше...

— А дальше все как в лучших бразильских сериалах, — я больше не могла сдерживаться и рассмеялась в голос: — Педро! Как ты мог?! Ведь Хуанита моя родная сестра!

Егор стушевался, встал из-за стола и вышел в коридор. Я поспешила его догнать.

— Слушай, — он бросил на меня смущенный взгляд, — вся эта история мне уже поперек горла. Я сто раз пожалел, что с их семейкой вообще связался. Не люблю это вспоминать.

— Прости. То, что ты рассказал, очень важно. Мне кажется, я догадываюсь, что держит ее здесь.

— И что же?

— Она же родной сестре насолила так, что мало не покажется. Извиниться бы не помешало.

Глаза Егора вспыхнули, словно его осенило. Он начал нервно вышагивать по коридору, старенький линолеум под его ногами скрипел, а в люстре начала моргать лампочка Ильича.

— Точно! Ты права! — Он вскинул руки в победном жесте, а на лице засияла улыбка.

— Конечно, права. — Я взяла его за руку и завела в гостиную, затем усадила на диван.

— Уверен, все дело в этом! Они так ссорились в ее последний день!

— Завтра утром все сделаем, — я погладила его по руке, — заберем свинку, отвезем ее к ним домой, заодно расскажем все родителям и извинимся перед сестрой.

— Свинку забрать не выйдет, она в Ярославле осталась, а вот родители и Катя переехали сюда. Мне тоже нужно ехать? — Он как-то странно дернулся и слегка отклонился назад. Неприятное чувство тенью промелькнуло где-то рядом со мной. Что это? Трусость или чувство собственной вины не дает ему покоя?

— К ее родителям и сестре я и сама могу сходить, но ты хотя бы отвези меня туда.

— Конечно, — он схватил мои руки и принялся их целовать, — ты моя спасительница...

От его прикосновений я загорелась, словно спичка. Все чувства обострились до предела. Тиканье настенных часов с кукушкой вдруг стало раздражающе громким, широкий столп лунного света, пробивавшийся с балкона сквозь прозрачную тюль, слепил, нос уловил нежный запах зеленого чая и мяты, исходящий от открытого флакона духов на журнальном столике.

Его губы двигались выше — от запястья к локтю, и дальше — по предплечью к плечу и ключице. С каждым его касанием я вздрагивала, покрываясь мурашками.

Я встала и подошла к двери, маня его за собой. Мои глаза блестели от желания, по лицу скользили лучи света от уличных фонарей, губы налились кровью и набухли в предвкушении поцелуев, соски под майкой вытянулись.

Он встал и подошел ко мне. Я взяла его за руку и увлекла в спальню.

Через открытую форточку в комнату пробивались звуки вечернего города — гул автомобилей, брэнчание поющей где-то поблизости гитары, треск сверчков и стук каблучков по тротуарам.

Егор поднял мои руки вверх и медленно снял майку. Поток теплого воздуха тут же прошелся по коже. Его рука добралась до джинсов, мой слух уловил звук расстегиваемой молнии на ширинке. Я прижалась к нему и протянула для поцелуя губы, и он тут же обхватил их своими губами. Мужчина аккуратно спустил с меня джинсы и начал оглаживать пальцами мою промежность.

Его поцелуй был наглым, вульгарным, влажным. Он требовательно раздвинул мои губы языком и проник внутрь, лаская мои десны. Я задышалась в его крепких объятиях.

Внезапно он развернул меня и почти что швырнул на кровать. Его ладони опустились на мои ягодицы, он нежно провел пальцами от поясицы до бедра, а затем несколько раз шлепнул меня по заднице. Кожа загорелась, а влагалище отреагировало на его удары томительными конвульсиями. Я выгнулась, как пантера перед прыжком, призывая его овладеть мной. Ощувив его влажный язык у себя на спине, я тихо застонала. Егор рисовал на мне иероглифы, заставляя умирать от желания.

Когда его горячее дыхание спустилось ниже, я замерла в предвкушении самой сладкой ласки. Но Егор резко сорвал мои трусики и вошел в меня. Одна его рука скользнула по спине и жадно сжала грудь, второй рукой он оглаживал ягодицы. Он двигался быстро и ритмично.

Глухие звуки ударяющихся друг об друга тел заполнили пространство.

Я вся наполнилась теплом, превратилась в одно большое ласковое облако. В моей голове взрывались радуги, а перед глазами лился золотой дождь. Экстаз вырвал из моего горла протяжные крики. Я стонала, точно раненая львица, с жадностью хватая ртом прохладный воздух.

Егор кончил вслед за мной. Его пальцы больно сжали мой сосок, и через секунду по внутренней поверхности бедер потекло горячее семя.

Я устало опустилась на живот, успокаивая дыхание и сердцебиение. Егор лег рядом и положил ладонь мне на спину. Что-то животное, яростное проснулось в нем сегодня. И это пугало меня.

Я прикрыла глаза, стараясь не думать о плохом, как вдруг в комнате стало невыносимо жарко.

— О, нет! — вырвалось у меня.

— О, да! — раздалось где-то под потолком.

Я перевернулась на спину и открыла глаза. Над нами в позе лотоса парила Марина, недовольно виляя хвостом, словно рассерженный кот.

— Опять ты! — вырвалось у Егора.

— Кажется, у вас что-то горит... — небрежно бросила она и растворилась в воздухе.

Так и знала, что коттеджем Егора ее владения не ограничиваются.

В моих зрачках отражались оранжевые языки пламени. Я смотрела на окна своей квартиры на третьем этаже, из которых вырывался огонь, и дрожала. Зарево пожара было видно на много километров в округе. Черные столбы дыма устремлялись высоко в небо и толстой завесой скрывали неполную луну.

В носу и горле щекотало от едкого запаха дыма. Моя кожа покрылась сажей, а на волосах и ресницах осели крупинки пепла.

В глазах Егора, полных ужаса и страха, я видела желание сесть в машину и уехать в Тибет — стать монахом, заниматься вместо секса медитацией и раз и навсегда забыть о том, кто такая Марина.

Он стучал зубами, оглаживая руками себя за плечи. Его словно голым выбросили в крещенскую ночь на мороз.

Вой сирен заполнил улицу. У подъезда толпился народ. Жильцы охали и ахали. Кто-то крестился, а кто-то методично выносил из квартир самое ценное.

Мне выносить было уже нечего. Все сторело. Успела только накинуть халат, обуть тапочки, да прихватить котлов в обе руки. В последний момент вспомнила про сумочку с документами и деньгами, и вернулась за ней, едва не получив по голове падающей люстрой.

Егор и того хуже — выскочил из квартиры, точно затравленный пес, в одних трусах и с ключами от машины в руках.

Ну а что — правильно. Все самое важное прихватил — свое мужское достоинство и его мерило.

С каждой минутой меня все больше одолевали сомнения на его счет. И дело была даже не в пожаре и грозящей мне опасности — квартира в ипотеке и застрахована. Марина, можно сказать, помогла мне решить самый больной вопрос — жилищный. Страховка покроет ипотеку и на новую квартиру деньги останутся.

Меня волновало то, что в минуту опасности он бросил меня. Влюбленный мужчина так не поступает, только если он не трус. Что-то с ним было не так, и я пока не могла понять, что именно.

И тут же в голове всплыла картина нашего знакомства — мост, и его мощные руки, которые крепко вцепились в ограждение. Меня почему-то именно сейчас осенило, что настоящего мужика мало что может довести до самоубийства. Тем более его-то эта бестия не трогает — все тумаки достаются пассивам. Теперь вот мне.

Тревога сковала меня. Внутренний голос настойчиво нашептывал, что Егор обыкновенный трус, эгоист и бабник, и что я слишком сильно хотела влюбиться, поэтому и зацепилась за него, как за соломинку.

А теперь... А теперь он стоит рядом и стучит зубами. Я поежилась. Прочь дурные мысли. Навязчивый демон кого угодно в могилу сведет, а такое пожарище любого героя стучать зубами заставит. Не стоит накручивать себя.

— Ты в порядке? — я взяла его за руку, — в больницу нужно?

— Нет. Одеться бы, — он опасливо заозирался по сторонам, ища глазами припаркованный во дворе автомобиль.

— Возьми, сынок, а то стыдно, — я обернулась на голос и увидела баб Варю с первого этажа, которая протягивала Егору треники и тельняшку — дедово наследство. Я усмехнулась,

представляя своего мужчину в этом наряде.

Он поморщился, но выдавил из себя благодарную улыбку, а затем быстро оделся.

— Спасибо.

Со стороны подъезда к нам направлялись двое полицейских — один высокий и тощий, как хлыст. Даже фуражка на его голове казалась тоньше и выше, чем она есть на самом деле. Второй — приземистый колобок с пивным брюхом.

«Дон Кихот и Санчо Панса», — подумала я, наблюдая за комичной картиной их передвижения.

Тощий вышагивал строевым маршем, широко размахивая рукой. А пузатый семенил за ним, едва поспевая и постоянно поправляя сбивающуюся набок фуражку.

— Ваша квартира? — Тощий метнул на Егора равнодушный взгляд.

— Нет.

— Ваша? — Он посмотрел на меня.

— Да.

— Фамилия, имя, отчество, паспортные данные, пожалуйста, — заговорил он словно робот, — Саня, протоколируй.

Толстый достал из увесистого портфеля протокол, присел на одно колено, а на второе положил свой саквояж в качестве стола.

— Протоколирую.

— Констанеску Аурелия Робертовна, родилась семнадцатого апреля 1986 года в Кишиневе, зарегистрирована по адресу: улица Защитников Родины, дом 2, квартира 18. Квартира в собственности банка «Амекс-финанс». Вот паспорт. Что еще? — Я протянула им документ, который пузатый внимательно изучил и вернул обратно.

— Спиртное в квартире распивали? Курили? Травка? — тощий задавал вопросы, даже не ведя бровью, словно ему было с нами до жути скучно.

— Какая травка? — вспыхнул Егор, — вы не видите разве, что мы в нижнем белье. Спали уже, когда пожар начался. Еле ноги унесли!

— А вы кто? Муж?

— Какой еще муж? — На лице моего мужчины появился неподдельный испуг, похлеще того, что я видела на мосту, или в момент начала пожара. Что это? Боязнь расстаться с холостой жизнью или неприятие меня в качестве законной жены?

И вновь эти предательские мысли, словно черви, начали грызть меня. Чтобы отвлечься от них я перевела взгляд на пытящего на корточках «Саню».

— А если не муж, то кто? — не унимался тощий.

— Какая разница кто? Вы у нас полиция нравов или просто полиция?

— Понятно, — резюмировал страж закона. — Саня, пиши: на момент начала пожара гражданка Констанеску находилась в квартире со своим любовником... Как вас, кстати? — он вопросительно посмотрел на Егора, меня же от его слов передернуло.

Вот вроде и воспитание у меня не пуританское, и девушка я не застенчивая, и мужчины в жизни были, а слово «любовник» резануло слух так, что неприятные иголки стыда впились в мою кожу по всему телу.

И дело даже не в стыде, а в том, как спокойно отреагировал на этот эпитет Егор. Он даже не подумал отстоять мою честь, сказать что-то благородное, достойное джентльмена — наподобие «я не любовник. Я жених».

Судя по выражению его лица, он вполне согласен с тощим в этом определении. И оно

его вполне устраивает. Но не меня.

Во мне словно что-то взбунтовалось. Я смерила Егора дерзким взглядом и громко, так, чтобы слышали все собравшиеся зеваки, заявила:

— Он мне не любовник. Где вы взяли это средневековое слово? Он мой мужчина.

— А́ура, все хорошо. Господин полицейский не хотел тебя оскорбить. — Егор ласково посмотрел на меня, и буря внутри успокоилась. От души немного отлегло.

— Егор Степанович Карелин, прописан в Ярославле, но проживаю здесь, на набережной Максима Горького, дом 10. Дата рождения — 10 февраля 1983 года.

— Так-так, Егор Степанович, — Саня встал с колен и уставился на него как баран на новые ворота, — так вы утверждаете, что уже спали, когда почувствовали дым?

— Нас предупредили, — брякнул Егор и тут же бросил на меня виноватый взгляд, спохватившись, что сказал лишнее.

— Кто же? — полицейские сразу напряглись, точно журналисты в предвкушении сенсации.

— Коты мои, — поспешила я ему на помощь. — Барон начал истошно орать, а Барсик запрыгнул на кровать и разбудил нас. Если бы не они — были бы мы уже двумя обуглившимися угольками.

Коты, сидящие подле моих ног и спокойно созерцающие картину пожара, одновременно подняли на меня мордашки. Барон звучно мяукнул, а Барсик встал и принялся тереться об меня.

— А, коты, — пузатый сделал какие-то пометки в протоколе, — завтра утром с вами свяжется представитель страховой компании, но до окончания расследования и выяснения причин пожара, страховку вы не получите. У вас есть, где остановиться?

— У меня... — я хотела рассказать им о бабушке, но Егор перебил.

— Она пока поживет в моей квартире.

— Адрес квартиры?

— Никитинская, сорок два, тридцать восемь.

Я смерила Егора недоуменным взглядом. Оказывается, у него еще и квартира в центре есть! Интересно, для каких целей?

— Медицинская, психологическая помощь нужна? — бросил напоследок тощий.

— Нет, спасибо. С вашего разрешения мы поедem. Устали. Сильный стресс.

Егор протянул ему руку для рукопожатия и сухо улыбнулся. Я закивала в знак согласия. Очень хотелось помыться и заснуть на чистых простынях.

— Будьте осторожны за рулем. Не превышайте скорость.

Полицейские развернулись и отправились опрашивать жильцов.

— Идем.

Егор взял меня за руку, и мы подошли к машине. Он нажал на кнопку сигнализации и его «Кайен» радостно замигал фарами, приветствуя хозяина.

— Судя по всему, — он включил мотор и огорченно посмотрел на меня, — завтра вместо выполнения последнего дела этой помешанной, нам придется заняться шопингом. В таком виде к Виктории Сергеевне нельзя. Она женщина интеллигентная, образованная. Да и Катя от тебя шарахаться будет.

Меня передернуло. Что значит, шарахаться? Я разве оборванка какая?

— Если уж на то пошло, — сердито пробурчала я, — этот вид у меня благодаря тебе. Если бы не та встреча на мосту, твоя Марина не вознамерилась бы меня уничтожить.

— Ну-ну, тише, — его ладонь накрыла мою руку. Пальцы нежно скользнули по запачканной сажей коже, — у тебя что-то чувство собственного достоинства резко обострилось без видимой на то причины. То на полицейского рассердилась, теперь вот на меня.

Он посмотрел в мои глаза тепло и нежно, заставив расслабиться и оттаять. Я открыла рот, чтобы извиниться, но меня перебили.

— Уже ссоритесь, голубки? Весьма похвально. Я очень этому рада. Сразу бы так. А то обнимашки, целовашки. Фу!

Я резко обернулась на знакомый до боли голос. На заднем сиденье, мерцая алым пламенем, сидела Марина. В ее глазах играли чертенята, а на лице сияла широкая улыбка.

Добилась-таки своего, проклятое исчадие ада — в моей голове прочно засели сомнения насчет Егора, да и первая ссора на втором свидании — не очень хороший признак для новых отношений.

— Ничего, дорогуша, — прошипела я сквозь зубы, — очень скоро ты отправишься на самую жаркую вечеринку в своей жизни.

Пронзительные крики котов из сумки заглушали звуки магнитолы. Барон умудрился просунуть в небольшое отверстие между боковинкой и молнией свою морду и шипел не переставая. Его шерсть встала дыбом, а зрачки желтых глаз расширились до самой радужки.

Сквозь тонкую ткань пробивались их острые коготки, которые больно впивались в мои колени.

— Тише-тише, — я гладила Барона по голове, стараясь успокоить, но кот словно обезумел.

Он дергался, рвался наружу, пытался разодрать лапами сумку. Успокоить его могло только исчезновение Марины с заднего сиденья, но она лишь подзадоривала кота, передразнивая его шипение и кривляясь, как мартышка перед зеркалом. Ее явно веселило взбесившееся животное.

Когда за спиной в очередной раз раздался оглушительный смех, я не выдержала и обернулась.

— А́ура, не поддавайся на ее провокации! Просто не обращай внимания! — Егор ухватил меня за запястье, но было поздно.

Наши взгляды встретились. В ее глазах читалось безудержное веселье, озорство, азарт. Настоящий детский сад.

— Прекрати злить животных! — бросила я сквозь зубы.

— Ну, нет! Это же так любопытно, можно научную статью написать на тему реакции кошек на гостей из потустороннего мира.

— Проваливай! Ты на сегодня перевыполнила свой план по пакостям, спалила мою квартиру, чуть не угробила нас обоих. Давай, чао!

— Ты на меня не шикай, — улыбка пропала с ее лица, а во взгляде появилась угроза, — когда увижу, что Егор уехал от тебя, тогда и испарюсь!

Я сдвинула брови и отвернулась. Внутри клокотала ярость, хотелось удушить ее, закопать, утопить, увидеть ее широко распахнутые от ужаса глаза под водой.

Ее присутствие совсем не шло мне на пользу. Меня начинали одолевать сомнения, я злилась, допускала мысли об убийстве и вообще превращалась в фурию.

— Я знаю, что нам нужно делать... — прошептал Егор, не поворачивая головы, — потерпи.

— Шушукаетесь? — Голова Марины показалась между передними сиденьями.

— Марин, я ее отвезу и поеду домой. И мы больше не увидимся. Я тебе обещаю. Успокойся, пожалуйста.

— Ну-ну...

Она отклонилась обратно, а у меня кровь прилила к щекам. Что значит, мы больше никогда не увидимся?

Я отвернулась к окну и быстро смахнула с лица слезинку. Не хочу, чтобы он, а уж тем более она, видели мою слабость. Это же надо так вляпаться — знакомы всего пару дней, а я уже трясусь за него как за родного. Словно мы жизнь с ним прожили.

— Приехали. — Егор завернул в темную бетонную арку, и мы оказались в уютном небольшом дворике с выкрашенным во все цвета радуги низеньким заборчиком вокруг детской площадки, аккуратными клумбами возле подъездов и рядом изящных кованых

лавочек вокруг импровизированного миниатюрного скверика из трех березы и ивы. Четыре пятиэтажки хрущевских времен заботливо скрывали всю эту красоту от окружающего мира.

— Симпатично... — я залюбовалась и отвлеклась от орущих котов и кривляющейся демоницы.

— Здесь очень дружные соседи. Но любопытные. И это минус.

Егор вышел из машины, обошел ее спереди и открыл мне дверь.

— А как же я, милый? Мне дверь кто откроет? Пушкин? — заверещала Марина.

— А ты и так выберешься, сквозь нее пройдешь, — бросил он, а затем нажал на кнопку сигнализации.

На улице пахло цветами — бархатцами, ромашками, розами, пионами. Буйство запахов вскружило голову.

— Откуда у тебя эта квартира? — Я вошла в подъезд за Егором, поглаживая голову утомившегося Барона.

— Наследство. Мой отец отсюда родом. В этой квартире он родился и вырос.

— Ясно.

Мы поднялись на третий этаж и Егор начал перебирать связку ключей.

— Черт, — выругался он, — похоже, они остались в другой сумке.

На его лбу пролегло несколько глубоких морщин, он несколько секунд постоял перед дверью, а затем развернулся в противоположную сторону, подошел к квартире напротив и постучался.

— Кто там? — из-за двери послышался дребезжащий женский голос.

— Я, Эльвира Семеновна, Егор!

— Егорушка, — дверь открылась и перед нами предстала пожилая женщина в плюшевом халате и с бигудями на голове.

Ее морщинистое лицо было покрыто сантиметровым слоем грима, а длинные ногти на ссохшихся руках были выкрашены в розовый цвет.

— Мне бы ключи, а то я свои забыл.

— А почему ты в таком виде? Что случилось? — Бабулька посмотрела ему через плечо и смерила меня недоуменным взглядом, — и чумазую эту где взял?

— Мы с пожара, я сейчас девушку размещу и зайду к вам на чай, все расскажу, хорошо?

— Батюшки, пожар... Конечно-конечно... — дамочка скрылась из вида и вернулась с ключом в руке, — вот, держи.

— Спасибо.

Егор быстрым шагом преодолел пару метров лестничной клетки и вставил ключ в замочную скважину. Я же пылала от стыда под пытливым взглядом пожилой соседки. Она стояла в дверях и смотрела на нас, практически не моргая.

— Надеюсь, хоть эта у тебя задержится, — пробурчала она тихо, но я услышала и повернула голову в ее сторону, — а то, что ни неделя, то новая женщина. И другую жаль, белобрысенькую. А эта красивая, хоть и чумазая.

Высказав свое компетентное мнение, она потихоньку закрыла дверь.

— Егор, о чем она?

Он, наконец, открыл дверь и впустил меня внутрь. В квартире витали запахи сырости и затхлости. Очевидно было, что здесь постоянно никто не живет. Он нажал на выключатель, и над нашими головами загорелась лампочка в стареньком пожелтевшем плафоне.

В маленьком узком коридоре были поклеены светлые обои в цветочек. Краски на

цветочных лепестках давно выцвели, и все они теперь были какие-то блеклые и серые.

— В смысле, о чем? — он изобразил непонимание, вскинув брови.

— Ее слова о новой женщине каждую неделю. И кто такая белобрысенькая?

— А, это... Не бери в голову. У нее склероз. Она все думает, что на дворе 2000 год, и я живу здесь и девушек вожу. Не скрою, было дело. Но буйная молодость в прошлом.

Он улыбнулся, взял меня за руку и провел в комнату. Обставленная «по образцу», квартира вызывала дежавю — за свою жизнь я видела несметное количество таких же квартир с такими же диванами, красными цветастыми коврами на стенах, убогими сервантами и круглыми столами с вязаной скатертью.

— Располагайся. Я ничего здесь не менял со смерти отца. Мне бывает приятно сюда приехать, погрузиться в воспоминания, в детство, что ли...

— Понятно.

Егор заторопился. Он начал вертеть в руках ключи от машины и бросать напряженные взгляды на настенные часы с кукушкой.

— Я поеду. Чай на кухне, в холодильнике, правда пусто, — он открыл портмоне и бросил на стол несколько крупных купюр, — вот. Этого должно хватить на продукты и одежду. Сходи завтра в магазин.

— Ты же собирался пройтись по магазинам со мной, — я ничего не понимала в его поведении и накручивала себя.

— Да-да... — он обернулся и посмотрел на дверь, — я позвоню, а сейчас мне лучше уйти. Иначе здесь снова станет жарко. Вот здесь живут Купаевы. — Он взял с полки листок бумаги и огрызок карандаша и написал мне адрес. — На всякий случай, если у меня не получится завтра встретиться с тобой.

— Почему не получится? Чем ты будешь занят? Еще час назад у тебя не было никаких планов!

Что-то внутри меня включило буровую установку, которая начала дырявить мои внутренности, вызывая болезненные спазмы и приступы страха. Егор вел себя крайне странно, и я никак не могла найти объяснения такому поведению.

— Милая, — он подошел ко мне, взял мое лицо в ладони и быстро поцеловал. Я вздрогнула от его неожиданной холодности, — в машине, или уже где-то здесь, витает крайне опасная сущность, которая нас чуть не убила. Нам нельзя видеться, пока она не сгинет, пока не исчезнет из нашей жизни. Нам нужно усыпить ее бдительность и отправить к чертям, где ей самое место.

— Ты предлагаешь...

— Я предлагаю залечь на дно и никак не проявлять наших чувств друг к другу, пока ты не избавишься от нее.

Неожиданно из домика на часах выскочила деревянная птичка и начала противно куковать, заставив меня подпрыгнуть от испуга на месте. Надо признаться, Марина умеет сеять вокруг себя страх. Вот я уже вздрагиваю из-за какой-то кукушки. Везде мерещатся ее проделки.

— Ты прав, — я закивала, — завтра же приступлю к реализации нашего плана, чтобы как можно скорее вновь оказаться в твоих объятиях.

Я сделал шаг ему навстречу, но он выставил вперед руку и остановил меня.

— Не провоцируй ее. Спокойной ночи.

Я покорно вернулась на место, провожая взглядом его спину. Дверь скрипнула, а затем

послышался щелчок затвора. Он ушел.

Устало плюхнувшись на старенький продавленный диван, я вытянула ноги. На колени тут же запрыгнули мои пушистые питомцы.

— Надо бы вас покормить, ребята. — Я встала и прошла на кухню.

Раритетный холодильник тарахтел, как бульдозер. Я заглянула внутрь и обнаружила вскрытый пакет молока. Я закрыла дверку и потянулась рукой к навесному шкафчику над раковиной, чтобы взять какую-нибудь миску, как вдруг услышала за спиной яростное шипение Барона. Сердце упало в пятки, противный холодок сковал все внутренности. Через секунду на кухне стало нестерпимо жарко.

Я медленно повернулась и скривила лицо в гримасе отвращения. Эта блондинистая гадина сидела на табуретке, закинув ногу на ногу, и накручивала на палец локон.

— Ушел? — вяло спросила она, а затем зевнула.

— Ушел! И ты вали!

— А я провалю, — она улыбнулась какой-то хищной, дьявольской улыбкой, — только сначала скажу тебе что-то интересное.

— И что же? — Я поставила руки в боки и нагло уставилась на нее.

— Он не вернется, милочка. И не позвонит. И не напишет... — она театрально вздохнула и смахнула с лица несуществующую слезинку, — как жаль... как жаль...

— И почему же? Ты помешаешь?

— Я ему вовсе не мешаю, дорогуша! Я ему помогаю!

Комнату заполнил ее сумасшедший смех. Она согнулась пополам и хохотала как безумная. Я растерялась и смотрела на нее, как испуганный ребенок смотрит на охмелевшего родителя.

— Что ты несешь? Что за ересь?

— Мы с ним заодно. Читай по губам — за-од-но!

На залитой солнцем улице шумели листвою кроны высоких тополей. Приятный ветерок ласково трепал мои распущенные волосы. Жара отпустила город из своего плена, и мегаполис, почти месяц задышавшийся в душных бетонных джунглях, наконец вздохнул с облегчением. Оставив ключи от квартиры эксцентричной соседке, и получив на прощание ее обжигающий взгляд в спину, я вышла из дома с твердым намерением довершить начатое.

Курьер интернет-магазина утром привез мне все необходимое — модный льняной костюм белоснежного цвета с юбкой и пиджаком с укороченными рукавами, элегантные босоножки на каблук, шляпку и солнечные очки.

Отправив питомцев на такси к бабушке и приняв душ, я чувствовала себя олимпийцем на старте. Не терпелось скорее добраться до нужной квартиры и поставить точку во всей этой истории.

Несмотря на бредни Марины, которые она пыталась внушить мне накануне вечером, я была в приподнятом настроении.

Она плела мне что-то про блудливый характер Егора, его страсть к красивым женщинам и сексу, а также о его категорическом нежелании связывать себя с кем-либо узами брака, да и просто отношениями.

«Он — свободный ветер в чистом поле. За ним не угнаться, не схватить за руку, не удержать цепями», — увещевала меня она.

Вывод из ее пространственных речей был крайне сомнителен — Егору нужен только секс, он меняет женщин как перчатки и вовсе не страдает от домогательств покойной невесты, поскольку она помогает ему избавиться от «отработанного сырья», запугивая несчастных до смерти. Он с мастерством фокусника придумывает все более изощренные способы ловли на живца — постановочные сцены самоубийства его новая удочка, на которую попались уже три девушки. Третья — это я. К тому же, белобрысенькая вовсе не вымысел соседки, а вполне реальная девушка модельной внешности, к которой он все время возвращается.

Если верить этой ведьме, до нашей встречи на мосту он бросался под отъезжающую с парковки машину, за рулем которой была весьма аппетитная шатенка, а еще имела место попытка вскрыть вены на глазах у прекрасной белокурой нимфы в туалете ночного клуба.

Марину устраивало то, что он только развлекается, не влюбляясь и не строя планов на будущее со своими женщинами, а Егора устраивала такая жизнь.

С ее слов получалось, что он просто чудовище какое-то, эдакий Казанова двадцать первого века, просто секс-машина без стыда и совести. И прекрасный актер к тому же.

— Раз уж так, — сказала я ей, — то тебе нечего опасаться — он никогда не женится, ты навсегда останешься его единственной невестой. Что держит тебя на земле? Неужели ты думаешь, что он без тебя не придумает, как отвадить от себя надоевших баб? Успокойся уже! Исчезни!

— Не хочу, да и не могу... — нарочито грустно ответила она, — ревность терзает, раздирает на части, голова только тем и забита, чтобы лишний раз убедиться, что он не влюбился и по-прежнему только мой.

— А зачем ты мне это рассказываешь? Согласно вашей технологии, я и сама отвалюсь через пару-тройку дней.

— Ты первая, кто решил покончить со мной. Ты меня совсем не боишься. А мне до жути

не хочется в ад. Если до тебя дойдет, что Егору ты не нужна, может быть, ты и меня в покое оставишь.

Мое сердце отказывалось ей верить. Это все от лукавого — все ее хитрости, интриги, лживые сети. Она видит, что между нами растет напряжение и лишь подливает масла в огонь, дурманит, обводит вокруг пальца. Но меня не проведешь.

— Не веришь — загляни к нему через пару дней, очень удивишься, — бросила мне соперница, прежде чем мерцающей дымкой раствориться под побеленным потолком маленькой кухни.

Эти слова, точно мантра, жужжали у меня в голове. словно назойливая муха, брошенная напоследок фраза, не оставляла меня ни на минуту, несмотря на все мои самоуговоры и аутотренинг на тему «Марина — вруша».

Я достала из сумки листочек с адресом семьи Купаевых. Рука нечаянно задела лежащий на дне мобильник. Что-то екнуло в груди, и я решила позвонить Егору. Хотелось быть гордой и уверенной в себе и в своем мужчине, но почему-то не получалось. Мне вдруг до колик в животе захотелось услышать его, убедиться, что в голосе сквозит нежность и тепло, улыбнуться и выдохнуть, потому что все хорошо.

Длинные гудки вызывали мурашки. Я сама не заметила, как начала волноваться, точно школьница на первом свидании. На ум стали приходить всякие глупости, а он все не отвечал. Я с раздражением нажала отбой и закинула телефон подальше в сумочку, чтобы искать его подольше и не успеть ответить на случай, если он перезвонит. Это было так глупо, так по-детски, но в тот момент мне казалось, что это позволит мне сохранить лицо и показать ему, что я тоже могу его игнорировать.

И, словно прочитав мои мысли, провидение решило испытать мои нервы на прочность. Не успела я застегнуть молнию, как мобильник начал вибрировать. Я громко выругалась, погрузившись в хаос дамской сумочки, и начала рыться в ее содержимом в поиске телефона. К моему огорчению, он больше не издавал никаких звуков. Через пару минут заветная пластиковая коробка была, наконец, у меня на ладони.

На экране мигал конвертик сообщения. Я посмотрела номер отправителя — Егор. И вновь тонкая игла сомнений пронзила мое сердце. Почему он не перезвонил, почему написал? Неужели он настолько занят, что не может сказать мне пары слов? А если занят, то чем или кем? Неужели его решение уйти в подполье настолько серьезное, что он решил вообще свести наши контакты к минимуму?

Я открыла сообщение: «Не могу ответить. Скучаю. Целую. Напиши, как решишь дела у Купаевых».

Черт. Я стиснула зубы и крепко зажала телефон в руке. Не может говорить. Зато со спокойной душой отправляет меня в самое пекло разборок. Даже подвезти меня к месту не удосужился.

Во мне зрело недовольство. Я начинала злиться на него, в голове сразу же стали вырисовываться тексты возможных ответов: «И чем же ты так занят, новой простушкой?», «А помочь мне решать дела у Купаевых ты не хочешь?», «Тебе не кажется, что решать дела должен мужчина?», и тому подобное.

Пальцы уже потянулись к экрану смартфона, чтобы набрать одну из язвительных фраз, пришедших на ум, как перед глазами встала ехидная улыбка Марины. Так и вижу, как она корчится в приступе зловещего хохота, наблюдая со стороны за моими метаниями. Если я поспорю с любимым, она только довольно потрет ладоши.

Я спрятала телефон обратно в сумку и махнула проезжающему такси. К радости, машина остановилась.

— Свободны? — Я наклонилась к открытому окну.

— Куда вам?

— Владимира Невского, 80Б.

— Пятьсот рублей.

— Окей.

Водитель с дуба рухнул, назвав запредельную цену за пятнадцатиминутную поездку, но мне так хотелось поскорее решить вопрос с Мариной, что я быстро прыгнула на заднее сиденье и протянула ему деньги.

— Только скорее, пожалуйста.

— На пожар, что ли? — решил он пошутить, но я вздрогнула, вспомнив о своей сгоревшей квартире.

— Это не смешно, уважаемый. Пожар — это совсем не смешно!

В зеркало заднего вида я заметила, как резко изменилось выражение его лица. Вместо довольной ухмылки на нем появилось недоумение, а затем некое подобие смущения.

Такси остановилось возле новенькой шестнадцатизэтажки из белого кирпича. Я поблагодарила водителя и замерла у двери нужного подъезда.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Примечания

Авторство строк — И. Лакина. (*Здесь и далее примеч. автора.*)